

Л. И. ПЕТРОВА

СОФЬЯ ДАВИДОВНА МАГИД В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

(ДОКУМЕНТЫ И ФАКТЫ)

29 декабря 1949 г. вышло Постановление Президиума Академии наук СССР, предписывавшее руководству Института русской литературы «пересмотреть кадры научных сотрудников и освободить от работы в Институте лиц, не отвечающих в деловом и политическом отношении требованиям, предъявляемым к научным сотрудникам Академии наук СССР».¹ Одним из таких «освобожденных» сотрудников оказалась Софья Давыдовна Магид, работа которой в Фонограммархиве в течение целых 15 лет по сути была перечеркнута итоговой характеристикой: «В 1950 отчислена из штата ИРЛИ за невыполнение годового плана».² Ее творческая реабилитация как ученого, музыковеда-фольклориста состоялась лишь в последнее де-

---

¹ Документы по Фонограммархиву. Начато 10 мая 1934 г. Окончено 23 февраля 1957 г., л. 10. В настоящее время все цитируемые документы (рукописи-оригиналы или машинописные копии оригиналов) хранятся в Отделе народнопозитического творчества ИРЛИ РАН. При необходимости изменена орфография и пунктуация, некоторые согласования в предложениях; ряд цифровых обозначений передан словесно, унифицировано написание «Фонограммархив» (вместо иных написаний: «фонограмм-архив», «фонограммархив»), библиографические ссылки в документах оформлены в соответствии с современными нормами.

² Пушкинский Дом : Материалы к истории 1905—2005. СПб., 2005. С. 475.

сятилетие — во многом благодаря работам проф. Н. Д. Светозаровой.³

Софья Давыдовна Магид (Экмекчи) (1892—1954) поступила на работу в ленинградский Фонограммархив в 1931 г., будучи уже в зрелом возрасте, имея за плечами консерваторское образование (по классу рояля), годы занятий концертной и преподавательской деятельностью, учебу на высших курсах искусствознания Гос. института истории искусств (ГИИИ), начальный опыт исследовательской и собирательской работы — в качестве внештатного сотрудника при Фольклорной секции ГИИИ.

По сохранившимся в Отделе фольклора Пушкинского Дома документам можно конспективно представить направление, характер и объем работы, проводившейся С. Д. Магид в качестве сначала младшего научного (2-й категории), затем старшего научного сотрудника тех структурных академических подразделений, в составе которых оказывался Фонограммархив (Фольклорная секция Института по изучению народов СССР АН (ИПИИ); Фольклорная комиссия Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР (ИАЭ), преобразованная из Фольклорной секции; Отдел фольклора Института литературы (впоследствии — Института русской литературы) АН СССР, созданный на базе фондов и штата Фольклорной комиссии).

В довоенный период творческая судьба С. Д. Магид складывалась весьма благополучно. То, что позднее ставилось ей в упрек, — интерес к еврейскому фольклору, фольклору вепсов, карел и других малочисленных народов России⁴ — в 30-е гг. как раз соответствовало основному направлению научно-эспедиционной работы Фольклорной секции Института по изучению народов СССР, сотрудником которой она стала. К примеру, в плане работ Фольклорной секции ИПИИ на 1935 г. были обозначены такие темы как «Негидальский фольклор» (испол-

---

³ См., в частности: *Светозарова Н. Д.* 1) Музыковед и фольклорист С. Д. Магид (1892—1954) // Из истории еврейской музыки в России. СПб., 2006. Вып. 2. С. 309—334 (здесь же опубликован список печатных трудов С. Д. Магид); 2) Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы: (Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 500—505.

⁴ В характеристике «бывшего» старшего научного сотрудника С. Д. Магид, составленной в 1950-м, в частности, говорилось: «Характеризуя работу С. Д. Магид в целом, следует сказать, что ее научные интересы шли по следующим направлениям: собирание и изучение еврейского фольклора, изучение казахских песен, собирание песен вепсов и карелов. Русской песенной культурой Магид стала интересоваться в 1935 году в плане собирания, без дальнейшего научного исследования. <...> (Документы по Фонограммархиву, л. 8).

нитель — К. Мыльникова), «Эскимосский фольклор» (А. И. Никифоров, В. Г. Богораз, А. С. Форштейн), «Чукотская сказка» (А. И. Никифоров), «Шорский фольклор» (Н. П. Дыренкова), «Музыка вогульских медвежьих танцев» (Е. В. Гиппиус), «Осетинское многоголосие как стадияльный тип музыкального мышления» (Э. Эмсгеймер), «Немецкие песни Ленинградской области» (Э. Эмсгеймер), «Гурийские песни» (Г. З. Чхиквадзе), «Песни Армении» (И. Орбели) и др. В этом списке чужеродной выглядит скорее тема А. М. Астаховой «Русские былины Северного края», нежели та, что разрабатывалась С. Д. Магид: «Классовая дифференциация музыкального фольклора белорусских и волыньских евреев».⁵ В общий научный план подразделения было включено и ее исследование по средневековой еврейской балладе. Так, в отчете Фольклорной секции за 1936 г. отдельным пунктом отмечено: «„Средневековая баллада в еврейском фольклоре (по записям у волыньских и белорусских евреев)“». Диссертация С. Д. Магид. 100 текстов и мелодий, и исследование. Всего около 10 печ. листов. Написана и должна быть передана на отзыв специалисту-гебраисту».⁶ В план секции на 1937 г. был включен даже пункт по защите названной диссертации.⁷ И хотя защита состоялась на два года позднее (в 1939-м), никаких нареканий на этот счет в отчетах не содержалось: серьезное исследование требовало дополнительного времени для завершения, и все это понимали и принимали.

Стоит особо отметить, что индивидуальная работа С. Д. Магид никогда не противопоставлялась коллективной, не шла вразрез с текущими задачами, ставившимися перед подразделением в целом.

Если в план научно-исследовательской работы Фольклорной секции включалась подготовка коллективного издания «800 песен народов СССР», то это отражалась и в плане С. Д. Магид: «Отбор и редакция музыкальных текстов евреев и немцев Поволжья», «Стационарные записи различных народов», «Проверка подтекстовок по всему изданию — около 400 <номеров>», «Экспедиция в Азербайджан».⁸ Если шла работа над собранием «Революционных песен», то среди составителей — наряду с М. С. Друскиным, В. И. Чичеровым, А. В. Шиловым, П. Г. Ширяевой — была и С. Д. Магид, хотя вряд ли эта тема

---

⁵ Годовой план работы сектора. Начато 2 мая 1931 г. Окончено 9 марта 1948 г. (Индекс № 211), л. 15.

⁶ Годовой отчет сектора. Начато — сентябрь 1936 г. Окончено 20 ноября 1948 г. (Индекс № 221), л. 5.

⁷ Годовой план работы сектора. Начато 2 мая 1931 г. Окончено 9 марта 1948 г. (Индекс № 211), л. 34.

⁸ Там же.

интересовала ее как исследователя, тем более музыковеда-фольклориста.⁹

В Программе работ ИАЭ АН СССР на 1938—1942 гг. по музыкальному фольклору значилась работа над сборниками «по народной музыке — башкирской, мордовской, чувашской, немецкой, эвенкийской, еврейской, армянской».¹⁰ В полном соответствии с этой программой оказывалось включение в общий «План работы Фольклорной комиссии» на 1938—1942 гг. исследования С. Д. Магид по еврейской народной балладе (в объеме 10 печ. л.), а в связи с этим — экспедиции в Биробиджан и подготовки сборника.¹¹

Таким образом, дело было не только, а, может быть, и не столько в личных интересах и пристрастиях С. Д. Магид, сколько в общем направлении коллективной работы. Если что-то не получалось, не издавалось, не завершалось (как например, начатая совместная работа музыковедов Е. В. Гиппиуса, З. В. Эвальд, Л. Н. Лебединского, С. Д. Магид над изданием «800 песен народов СССР», которое должно было объединить записи «свыше 60 народностей, наций и национальных групп СССР»),¹² то это была общая неудача, неблагоприятное стечение обстоятельств, а не чья-то конкретная вина.

С 1931 г. С. Д. Магид исполняла обязанности хранителя фондов Фонограммархива, и степень ее загруженности в связи с этим была чрезвычайно высока. С. Д. Магид активно занималась не только научной систематизацией и описанием звуковых материалов ФА, но не гнушалась никакими видами чисто технической «черновой» работы. К примеру, в 1936 г. ею выполнялись такие виды архивной работы, как «Расшифровка песен народов Сибири для научного описания» (80 песен), «Подготовка к перепечатке и корректура машинописных копий материала Московской экспедиции» (совместно с А. М. Астаховой и П. Г. Ширяевой), «Регистрация новых поступлений Ф<онограмм>архива», «Наклейка номеров на коробки и смена старых коробок (1500 вал<иков>)), «Заполнение общих разделов карточек научного описания (240 карт<очек>)).¹³

Одним из итогов той кропотливой архивной работы, которая дает зримый результат, как правило, в трудах других исследователей, использующих материалы, уже кем-то описанные

---

⁹ Годовой отчет сектора. Начато — сентябрь 1936 г. Окончено 20 ноября 1948 г. (Индекс № 221), л. 7.

¹⁰ Годовой план работы сектора. Начато 2 мая 1931 г. Окончено 9 марта 1948 г. (Индекс № 211), л. 56.

¹¹ Там же, л. 68.

¹² Там же, л. 70.

¹³ Там же, л. 15, 20, 21.

и благодаря этому общедоступные, стала статья С. Д. Магид «Список собраний Фонограммархива Фольклорной секции ИАЭ Академии наук СССР».¹⁴ Эта была первая и потому особенно важная публикация, дающая реальное представление о составе фондов Фонограммархива и не утратившая своего значения до настоящего времени.

30-е гг. XX в. ознаменовались многочисленными фольклорными экспедициями в союзные и национальные республики. Активное участие принимала в них и С. Д. Магид. Приобретенный ею опыт собирателя (как практический, так и теоретический) не вызывал сомнения у коллег и не ставился в зависимость от того, фольклор какого народа ей приходилось записывать. Когда в 1938 г. сотрудники Фольклорной комиссии приняли на себя «ударное обязательство» «организовать и провести курсы по собиранию фольклора для работников периферии (филиалов Академии наук, Ленинградской области, Карелии и пр.)», С. Д. Магид и З. В. Эвальд была доверена такая сложная и ответственная тема, как «методика записей песенных мелодий».¹⁵ Позднее «проблема песни и песенности» стала интересовать Магид и в плане теоретическом. Доклад с такой темой был заявлен исследовательницей в 1947 г. на юбилейную сессию Института русской литературы, посвященную 30-летию советской власти.¹⁶

Серьезная экспедиционная работа всегда требовала не только знаний, практических и, вопреки расхожему мнению, теоретических, но и немалой доли самоотверженности. Одним из таких самоотверженных собирателей была и С. Д. Магид, не оставлявшая экспедиционную работу на протяжении всей своей научной деятельности.

Весьма красноречиво свидетельствует об этом, в частности, ее отчет от 1 августа 1949 г. об экспедиции в Великолукскую область, состоявшейся с 6-го по 27 июля 1949 г. — менее чем за год, заметим, до увольнения: «Экспедиция по записи народных песен Великолукской области является частью и продолжением плановой работы фольклорного отдела по обследованию современной народнопесенной традиции Ленинградской, Псковской, Великолукской и Новгородской областей.

Экспедиция была проведена в трехнедельный срок и работала в составе двух человек: ст. н. с. Отдела фольклора С. Д. Магид (руководитель отряда, музыкальные записи) и приглашенный мл. н. с. Нат<алья> Львовна Котикова (текстовые записи).

---

¹⁴ Советский фольклор. 1936. № 4—5. С. 415—428.

¹⁵ Годовой план работы сектора. Начато 2 мая 1931 г. Окончено 9 марта 1948 г. (Индекс № 211), л. 73.

¹⁶ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 37.

Работа была начата с обл<астного> центра Вел<икие> Луки, где при помощи и участии местных партийных и советских организаций были собраны сведения о состоянии музыкальной культуры на местах, выработан и согласован маршрут экспедиции.

В силу местных условий (отсутствия транспортных средств, плохого состояния дорог после войны и большой географической протяженности области) маршрут экспедиции был не сквозным, а „звездным“, т. е. экспедиции пришлось троекратно возвращаться в обл<астной> центр и снова выезжать в район по другому направлению.

Экспедиция работала в 5 районах.

а) В г. Вел<икие> Луки и пригородных колхозах В<еликолуцкого> района.

б) В Пустошкинском р-не, дер. Ольховке и к<олхо>зе им. Ильича.

в) В г. Опочке и Опочечком р-не в дер. Исаки, Пузякино.

г) В Пореченском р-не в дер. Урицкое и примыкающих к ней колхозах.

д) В Пеновском р-не, в ряде колхозов Занеprеченского с/с: Ильино, Выселки, к<олхоз>е Волга и др. — *проехав со звукозаписывающим оборудованием по району около 400 км на грузовиках и около 40 км пешком, не считая проездов по ж<елезной> д<ороге>* (курсив мой. — Л. П.).

Экспедицией произведено:

музыкальных записей на фонограф — 74 <номера> (на 26 фоноваликах).

текстовых записей: а) песенных — 97 <номеров>,

б) частушек — 342 <номера>.

Сопутств<ующих> объяснительных материалов, репертуаров самодеятельных колхозных хоров, описаний и пр. — 2 тетради.

25% песенного материала — советский фольклор, гл<авным> образом песни Великой Отечественной войны, записанные из уст участников партизанского движения. Большинство напевов этих песен и часть текстов зафиксированы впервые.

По линии крестьянской певческой культуры экспедицией установлены зоны с развитым хоровым многоголосием (Занеprече, Ольховка) и наряду с ними обширные районы сплошного хорового одноголосия (Опочечкий р-н, дер. Урицкое Пореч<енского> р-на). В Пустошкинском районе зафиксирован оригинальный и до сих пор неизвестный тип мелодического распева протяжных песен. В дер. Урицкое обнаружен в живом бытовании (записаны в поле во время жатвы) ряд старинных артельных трудовых (жнивных) песен, исполнявшихся жнеями с внесением соответствующих текстовых изменений, как-то: обращение к председателю колхоза и пр. При записи от самодеятельного хорового коллектива Занеprеченской избы-читальни,

составленного ими самими театрализованного действия — старой русской свадьбы — отмечены совершенно неизвестные до сих пор в литературе участники „игры“, т<ак> наз<ываемые> „срядники“ — пародийные маски жениха и невесты и пр.».¹⁷

Конечно, время накладывало свой отпечаток не только на фольклористические исследования, но и на собирательскую деятельность. Все «реверансы» в сторону «советского фольклора» были продиктованы суровыми требованиями 30—50-х гг. XX ст. «Был спор, можно ли записывать эти частушки».¹⁸ Спор этот возник во время совместной экспедиции Фольклорной секции ИАЭ (которую представляла С. Д. Магид) и Мособлисполкома в Калужский р-н Московской области в 1935 г. Речь шла о частушках типа:

В Ромоданове деревне
Желтые наличники.
Мы пожили у колхозы,
Теперь — единоличники.

Таков был изначальный текст. Но в полевом блокноте слово «теперь» приписано рядом в скобках, а вместо него стоит «вы», меняющее смысл на противоположный: «Вы — единоличники». Возможно, именно эта маленькая хитрость «спасла» запись, поскольку некоторые частушки были впоследствии из блокнотных листков вырезаны.

Тем не менее, несмотря на возможную цензуру и возможные порицания со стороны официальных лиц, большинство записанных С. Д. Магид (или с ее участием) песенных текстов представляют традиционный крестьянский фольклор, а не сочинения «новой колхозной» деревни.¹⁹

В результате многолетней экспедиционной деятельности Софьи Давыдовны Фонограммархив и рукописное фольклорное хранилище (включенное позднее в состав Рукописного отдела ИРЛИ РАН) существенно пополнились материалами, по-насто-

---

¹⁷ Планы, программы и переписка по организ<ации> научн<ых> экспедиций. Начато — январь 1931 г. Окончено — июнь 1951 г. (Индекс № 680), л. 68—68 об.

¹⁸ РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 93, л. 5. Эта запись принадлежит С. Рязову, также принимавшему участие в этой экспедиции и фиксировавшему в основном частушки, в том числе и приводимую здесь в качестве примера.

¹⁹ На это будет особо указано в характеристике, данной С. Д. Магид в 1950 г.: «Дирекция находит возможным отметить и деловые качества С. Д. Магид: опыт собирателя, который не был в достаточной мере устремлен на собирание современного народного творчества, в чем явно отразилось пренебрежение к советскому фольклору ее бывшего руководителя профессора М. К. Азадовского, под руководством которого С. Д. Магид работала в течение ряда лет» (Документы по Фонограммархиву, л. 9).

ящему еще не оцененными, незаслуженно не востребованными до сих пор и лишь отчасти введенными в научный оборот. Далее приводится перечень этих материалов, составленный по регистрационным документам V разряда РО ИРЛИ РАН (описям коллекций, книгам поступления (КП), Инвентарной книге), а также каталогу коллекций и фонографических цилиндров (ФВ) Фонограммархива ИРЛИ РАН.

Фольклорное хранилище РО ИРЛИ РАН (разряд V)

1. Экспедиция ГИИИ 1928 г. на Волынь (евреи). Передано из Ленинградского отделения Гос. Академии искусствознания (ЛОГАЙСа). Собиратель С. Д. Магид. — Кол. 7 (КП 24).

2. Белорусская экспедиция ИПИНа АН СССР 1931 г. в Пропойский р-н БССР (белорусы, евреи). Собиратель С. Д. Магид. — Кол. 19 (КП 24, 25).

3. Белорусская экспедиция 1934 г. (с 15.08 по 20.08) в г. Минск и Мозырский р-н БССР (евреи). Собиратель С. Д. Магид. — Кол. 43 (КП 48). Коллекция отсутствует.

Материалы были переданы С. Д. Магид 25.11.34 г. и зарегистрированы А. М. Астаховой: «8 толстых тетрадей (85 песенных текст<ов> и 3 действия)». В КП запись: «Вероятно, возвращено собирателю». В Инвентарной книге также записано: «Вероятно, передано собирателю назад». И здесь же указание на то, что материалы по фольклору белорусских евреев в настоящее время находятся в РНБ.

4. Экспедиция в Калужский и Перемышльский р-ны Московской обл. (русские). Совместная собирательская работа Фольклорной секции и Мособлисполкома: материалы Калужской бригады Мособлисполкома. Собиратели: С. Д. Магид и М. Е. Шереметева. — Кол. 49 (КП 60 от 7 марта 1935 г.).

5. «Еврейская старинная мелодия для чтения торы в день Рош Гашана (Новый год)». Получено от С. Д. Магид в декабре 1940 г. — Кол. 1 (КП 188).

6. Экспедиции в Псковскую (1946, 1947) и Великолукскую (1949) области (русские). Собиратели: С. Д. Магид, Н. Л. Котикова (1 папка, 199 ед. хр., песни) — Кол. 145 (КП 292).

В коллекции имеется «Акт от 13 сентября 1950 г.», подписанный уч<еным> секретарем Сектора фольклора В. Кравчинской и С. Д. Магид: «Принято от С. Д. Магид 3 папки (возможно, слитые затем в одну? — Л. П.) материалов Псковских экспедиций 1946 и 1947 гг. и Великолукской экспедиции 1949 г., не зарегистрированные в Рукописном хранилище Сектора фольклора и состоящие из беловых текстов без черновики и без дневников собирателей и без достаточной паспортизации» (РО ИРЛИ, р. V, кол. 145, № 1).

Материалы были переданы уже после увольнения собирательницы, которое официально состоялось 13 апреля 1950 г.²⁰ Этим объясняется и негативный оценочный характер «Акта». Ранее, заметим, при приеме экспедиционных записей на хранение не требовалось обязательной сдачи от собирателей полевых рукописей и дневника.

Фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
(в квадратных скобках указан номер соответствующей
коллекции фольклорного фонда РО ИРЛИ)

1. Экспедиция 1928 г. в УССР — Житомир, Хмельницк (евреи). Передано из ЛОГАЙСа в 1931 г. Собиратель С. Д. Магид (170 записей: песни, проза, наигрыши). — Кол. 43, ФВ 1809—1868 [Ср.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 7].

2. Экспедиция 1931 г. в БССР — Могилев (белорусы). Собиратель С. Д. Магид (128 записей: песни обрядовые, лирические, с движением; наигрыши). — Кол. 42, ФВ 1778—1808 [Ср.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 19].

3. Экспедиция 1931 г. в БССР — Могилев (евреи). Собиратель С. Д. Магид (68 записей: песни, наигрыши). — Кол. 44, ФВ 1869—1889 [Ср.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 19].

4. Студийные записи 1934 г. в Ленинграде (казахи). Собиратель С. Д. Магид (10 записей: песни, наигрыши). — Кол. 113, ФВ 3607—3610.

5. Экспедиция 1934 г. в БССР — Гомель (евреи). Собиратель С. Д. Магид (76 записей: песни, песни обрядовые, лирические, с движением; наигрыши). — Кол. 115, ФВ 3642—3672.

6. Записи 1934—1935 гг. в Ленинграде и Москве (русские, евреи). Собиратель С. Д. Магид (350 записей: песни). — Кол. 186, ФВ 5033—5098.

7. Записи 1934—1935 гг. в Ленинграде и Москве (евреи). Собиратель С. Д. Магид (68 записей: песни). — Кол. 204, ФВ 5353—5356.

8. Экспедиция 1935 г. в Калужский и Перемышльский р-ны Московская обл. (русские). Собиратель С. Д. Магид (168 записей: песни, песни обрядовые, лирические, с движением, наигрыши, причеть). — Кол. 122, ФВ 3939—3975 [Ср.: РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, собиратели: С. Д. Магид, М. Е. Шереметева].

9. Студийные записи 1936 г. в Ленинграде (лазы). Собиратель С. Д. Магид (8 записей: песни, песни обрядовые, лирические, причеть). — Кол. 129, ФВ 4097—4098.

---

²⁰ В делах Отдела указана иная дата: «3-го марта 1950 г. С. Д. Магид была уволена за невыполнение плана» (Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 90).

10. Студийные записи 1937 г. в Ленинграде (эвенки). Собиратель С. Д. Магид (65 записей: песни, песни обрядовые, лирические, с движением, эпос, проза). — Кол. 126, ФВ 4039—4063.

11. Студийные записи 1937 г. в Москве и Ленинграде (грузины-гурийцы). Собиратели: С. Д. Магид, И. Д. Мегрелидзе (57 записей: песни, наигрыши). — Кол. 134, ФВ 4178—4204.

12. Экспедиция 1937 г. в Карелию (карелы, вепсы). Собиратель С. Д. Магид (83 записи: песни, песни обрядовые, лирические, с движением, наигрыши, причеть). — Кол. 142, ФВ 4399—4423.

13. Экспедиция 1937 г. в Карелию (карелы, финны, вепсы). Собиратель С. Д. Магид (59 записей: песни, песни обрядовые, лирические, с движением, эпос, наигрыши, причеть). — Кол. 187, ФВ 5099—5112.

14. Студийные записи 1937 г. в Ленинграде (чуваши). Собиратель С. Д. Магид (47 записей: песни, песни обрядовые, лирические, с движением). — Кол. 206, ФВ 5392—5401.

15. Студийные записи 1937 г. в Ленинграде (лопари, гольды, коряки, чукчи, эскимосы, буряты, эвенки). Собиратель С. Д. Магид (63 записи: песни, песни обрядовые, лирические, с движением, проза, наигрыши). — Кол. 207, ФВ 5402—5422.

16. Студийные записи 1937 г. в Ленинграде (индейцы (ну минд) из г. Кулдисак (штат Огайо, США)). Собиратель С. Д. Магид (2 записи: проза). — Кол. 212, ФВ 5437.

17. Экспедиция 1938 г. в БССР — Гомель (евреи). Собиратель С. Д. Магид (53 записи: песни, наигрыши). — Кол. 152, ФВ 4566—4580.

18. Записи 1936—1941 гг. в Ленинграде, Боровичах, Колпино, Парахино (русские). Собиратели: П. Г. Ширяева, студенты ЛГУ И. Н. Этина и П. В. Башкиров, С. Д. Магид. (101 запись: песни, песни обрядовые, лирические, с движением). — Кол. 218, ФВ 5516—5546.

19. Экспедиции в Псковскую (1946, 1947) и Великолукскую (1949) области (русские). Собиратели: С. Д. Магид, Н. Л. Котикова, Н. И. Ключков(?). (166 записей: песни, песни обрядовые, лирические, с движением, наигрыши). — Кол. 226, ФВ 5664—5723.

Всего, по данным каталога коллекций Фонограммархива, С. Д. Магид (частично с другими собирателями) было записано 590 фонографических цилиндров — 1742 записи произведений различных фольклорных жанров, в основном песенных, — от представителей 18 народов.

Часть принадлежащих ей рукописных материалов находится в Рукописном фонде Фонограммархива. В их числе и многочисленные нотные расшифровки — один из тех видов постоянной работы С. Д. Магид, которая, как отмечалось в отчете Отдела всего за несколько месяцев до увольнения исследовательницы,

«требует не только большой культуры слуха и опыта, но и углубленной теоретической подготовки».²¹

В 1941 г., когда «коллекции Фонограммархива и Рукописного хранилища Отдела были тщательно упакованы и сданы на хранение в Эрмитаж»,²² С. Д. Магид была вынуждена покинуть Пушкинский Дом в связи с сокращением штатов. Но это ни в коей мере не было связано с какими-либо претензиями к ней как научному работнику. Весной 1941 г., перед самым началом войны, она была командирована Институтом литературы в Ораниенбаумский р-н Ленинградской области. В КП 197 разряда V Рукописного отдела ИРЛИ зафиксировано поступление от С. Д. Магид 7 мая 1941 г. двух тетрадей с финскими народными песнями (с припиской, свидетельствовавшей, вероятно, о передаче материалов в ФА: «Кар<ельские> записи в Фонограммархиве»). На 1941 г. планировалось ее участие в подготовке сборников в серии «Песни народов СССР»: «Цыганские народные песни» (составители Е. В. Гиппиус (руководитель), З. В. Эвальд, С. Д. Магид, М. В. Панов (лингвист), акад. А. П. Баранников (консультант)) и «Калмыцкие народные песни» (составители Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, С. Д. Магид, Ф. Н. Гоухберг и А. В. Бурдуков — по договору).²³ Предполагалось также участие С. Д. Магид в 1941 г. в коллективном сборнике статей. В письме от 1 марта 1941 г., подписанном и. о. уч. секретаря Б. П. Городецким и зав. Отделом фольклора проф. М. К. Азадовским, говорилось:

«Многоуважаемая Софья Давыдовна!

Отдел фольклора Института литературы АН СССР просит Вас написать статью „Еврейские подпольные песни Зап. Украины и Зап. Белоруссии“ для сборника, посвященного теме: „И. В. Сталин и фольклор“. Предполагаемый объем статьи — 2 печ. листа, срок представления — 1 декабря 1941 г.»²⁴

Отношения С. Д. Магид с сотрудниками Отдела были вполне доверительными и уважительными. Именно на ее мнение, как авторитетное, ссылалась, например, А. М. Астахова в письме от 21 сентября 1944 г., когда вновь начал муссироваться вопрос о выделении Фонограммархива «в особую научную ячейку,

---

²¹ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 25.

²² Там же, л. 34.

²³ «План <...> Отдела фольклора ИЛИ по музыкальному фольклору на 1941 г.» // Годовой план работы сектора. Начато 2 мая 1931 г. Окончено 9 марта 1948 г. (Индекс № 211), л. 215.

²⁴ Переписка по научно-консультационной работе сектора народного поэтического творчества за 1940—1941 гг. Начато 5 января 1940 г. Окончено декабрь 1941 г. (Индекс № 661), л. 258.

„Комиссию по изучению народной музыки“, которая <...> должна быть организована при Московском Отделении Института этнографии»²⁵: «...Я несколько задержалась с ее (запиской с возражениями против изъятия ФА из Института литературы — Л. П.) представлением, но мне хотелось предварительно поговорить еще по этому поводу с ленинградскими музыковедами, в частности, с бывшим сотрудником Отдела фольклора С. Д. Магид, которая также считает изъятие Фонограммархива недопустимым».²⁶

После войны, когда коллекции фонозаписей были возвращены в Пушкинский Дом, С. Д. Магид без каких-либо препятствий восстанавливается в Институте в должности старшего научного сотрудника. В отчете Сектора фольклора ИЛИ за 1946 г. этот факт констатируется как само собой разумеющийся: «В конце текущего года приступила к работе С. Д. Магид».²⁷

Кроме ежедневных обязанностей по Фонограммархиву, С. Д. Магид начинает в 1947 г. подготовку тома «Песни Псковской области», материал для которого еще только предстояло собрать, что она и осуществляет вместе с приглашенной (для участия в экспедиции) на временную должность м. н. с. Н. Л. Котиковой.²⁸ Намеченный при этом срок сдачи тома — декабрь 1947 г. — представляется совершенно нереальным, хотя впоследствии этот факт будет весьма «успешно» использован против С. Д. Магид. Но до определенного времени от нее не требовали всего лишь за год в одиночку начать и закончить подготовку целого сборника, тем более на основе новых экспедиционных записей. Отчет С. Д. Магид за 1947 г. был утвержден без каких-либо замечаний, а на 1948 г. в числе прочего запланировано продолжение работы над «Песнями Псковской области»: «Подготовка к печати дополнительного материала (30 <номеров>) для расширенного издания сборника „Песни Псковщины“, объем 5 п. л. Срок 1 июля 1948 г.».²⁹

В соответствии с этим заданием в 1948 г. С. Д. Магид «а) обработаны по фонографу и подготовлены к печати 30 зап<исей> песенных текстов; б) составлена библиография к 30 вышеуказанным текстам... 0.5 п. л.; в) подготовлено к печати 15 песенных расшифровок (многоголосные записи 1947 г. 1.5 п. л.). В от-

---

²⁵ Переписка по научно-консультационной работе. Начато 16 апреля 1945 г. Окончено 14 декабря 1949 г. (Индекс № 661), л. 18.

²⁶ Там же, л. 8.

²⁷ Годовой отчет сектора. Начато — сентябрь 1936 г. Окончено 20 ноября 1948 г. (Индекс № 221), л. 139.

²⁸ О жизни и деятельности, в том числе собирательской, Натальи Львовны Котиковой см. статью Е. И. Якубовской «Страницы биографии Н. Л. Котиковой» в наст. изд.

²⁹ Документы по Фонограммархиву, л. 16.

чете значится также «Доработка и завершение комментариев к сборнику» „Песни Псковщины“, написание вступительной статьи — 1.5 п. л. и «Подготовка к печати 15 нотных расшифровок для сборника».³⁰

В этом же году С. Д. Магид планировала приступить к подготовке сборника «Песни Великолукской области», опять-таки на основе материалов, которые должны были быть собраны в процессе намечавшейся на июль 1948 г. экспедиции. Однако экспедиция в Великолукскую область (совместно с Н. Л. Котиковой) состоялась годом позже — вероятно, по причине болезни С. Д. Магид.³¹ Начало работы над «Песнями Великолукской области» было в результате перезапланировано на 1949 г., с «переходом» на 1-й квартал 1950 г. Тем не менее никаких претензий в адрес сотрудницы и в 1948 г. высказано не было. Ее годовой отчет был заверен зав. Отделом М. К. Азадовским с примечанием: «Работа выполнена, несмотря на длительную тяжелую болезнь».³² В «Перечне работ, проделанных сотрудниками Сектора фольклора за I квартал 1949 г.», подписанном А. М. Астаховой, содержалась соответствующая информация и в отношении С. Д. Магид (также без какой-либо негативной оценки по поводу количества или качества ее работы): «По сборнику» „Песни Великолукской обл<асти>“ — Подготовка к экспедиции в Великолукскую обл<асть>. Проработка опубликованных и рукописных текстовых материалов. Расшифровка фонограмм экспедиции в с. Ильинское Великолукской обл. Расшифровано 7 фонограмм 3-й степени трудности. Объем 1 п. л. По Фонограммархиву: прослушивание и отбор фонограмм для перевода с восковых валиков на гальванические. Прослушано и отобрано 400 шт. вал<иков>».³³

В июле 1948 г. для обсуждения на Отделе С. Д. Магид был представлен материал сборника «Песни Псковской области». Он не был утвержден к печати сразу, что отнюдь не сказалось на общей положительной оценке этой работы. Так, в составленном А. М. Астаховой (ставшей заведующей Отделом) отчете о работе Сектора фольклора за 1939—1949 гг., в частности, отмечалось — как явление сугубо положительное: «На основе собранных Фонограммархивом песенных материалов происходила

---

³⁰ Индивидуальные планы и отчеты на 1948 год («Индивидуальный план научно-исследовательской работы на 1948 г. Магид С. Д., старшего научного сотрудника»). Здесь же содержатся и ее поквартальные отчеты.

³¹ В черновых набросках поквартальных отчетов С. Д. Магид указано, что с 20 мая по 1 июля она пробыла на бюллетене, в августе—сентябре находилась в отпуске, а в сентябре по 10 октября — вновь на бюллетене (см. там же).

³² Документы по Фонограммархиву, л. 17.

³³ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 45.

подготовка двух областных сборников „Песни Псковской области“ (составитель С. Д. Магид) и „Песни Смоленской области“ (составитель Ф. А. Рубцов)».³⁴

Шел естественный «рабочий» процесс. И вполне закономерно, что в план С. Д. Магид на 1949 г. была включена «доработка (курсив мой. — Л. П.) по указанию Отдела фольклора сборника „Песен Псковской области“. Срок — декабрь 1949 г.».³⁵ Т. е. том вовсе не был признан несостоявшимся, а работа над изданием неудовлетворительной. Правда, в отчете С. Д. Магид за 1949 г. отмечалось, что запланированная на декабрь доработка сборника «не выполнена вследствие болезни (с 16 ноября по 31 декабря с. г. нахожусь на бюллетене)».³⁶ Но это была не вина, а беда сотрудника. Работа над томом была бы продолжена и, скорее всего, получила бы завершение в хорошем издании.

Таковы основные факты, отражающие реальную картину деятельности С. Д. Магид как сотрудника Отдела фольклора ИЛИ (ИРЛИ) АН СССР, и вряд ли можно утверждать, что они естественным образом привели к одному из самых драматичных периодов творческой судьбы С. Д. Магид — ее увольнению в 1950 г. Оно не было естественным результатом какого-либо «внутреннего» конфликта в коллективе или недобросовестного отношения старшего научного сотрудника к своим прямым обязанностям, злостного невыполнения производственных планов и т. п. Не случайно, думается, в машинописной копии «Объяснительной записки к материалам индивидуальных планов и отчетов С. Д. Магид за 1947—1949 гг.»³⁷ датированной 30 августа 1950 г. и связанной, конечно, с процедурой увольнения последней, заклеена фамилия подписавшегося за зав. Сектором фольклора и сохранена только подпись ученого секретаря Сектора В. А. Кравченко.

С. Д. Магид не смирилась с ситуацией и обратилась с письмом к Президенту Академии наук СССР акад. С. И. Вавилову. Это обращение было, вероятно, не столько попыткой восстановиться в Институте, сколько следствием обиды и желанием восстановить творческую репутацию. О содержании письма и реакции на него можно судить по сохранившимся в делах Отдела черновикам и машинописным копиям документов, составленных на имя Ученого секретаря Президиума Академии наук СССР проф.

---

³⁴ Там же, л. 28.

³⁵ Документы по Фонограммархиву, л. 17

³⁶ Там же, л. 17.

³⁷ Там же, л. 18—18 об. В этой записке, заметим, ни слова не сказано об основной каждодневной работе С. Д. Магид — научному описанию материалов Фонограммархива. Зато ставится в вину даже тот факт, что «в редакции 1947 года — сборник («Песни Псковской области» — Л. П.) не обсуждался на Секторе фольклора».

В. П. Сухотина в ответ на соответствующий запрос АН СССР от 2 октября 1950 г. С незначительными сокращениями эти материалы приводятся в настоящей работе.³⁸

«<...> Дирекция Института русской литературы (Пушкинский Дом) сообщает, что письмо бывш<его> ст. научного сотрудника Института С. Д. Магид <...> содержит в себе ряд голословных утверждений, не соответствующих действительности и преследующих, под видом „заботы“ о судьбе Фонограммархива, чисто личные цели <...>. Не соответствующим действительности является заявление С. Д. Магид о своей роли как организатора Фонограммархива: С. Д. Магид была принята на работу в 1931 году, тогда как Фонограммархив зародился в июне 1926 года (см. Советский фольклор. 1936. № 4—5. С. 409), С. Д. Магид пришла к готовой базе Фонограммархива, действительным организатором которого был коллектив сектора фольклора и зав. музыкальной частью сектора Е. В. Гиппиус <...>» (л. 10—11).

Необходимо, однако, внести уточнение. С 1926 по 1931 г. (т. е. до включения в систему академических учреждений) материалы Фонограммархива пополнялись главным образом за счет экспедиционной работы Государственного института истории искусств, Ленинградского отделения Государственной Академии искусствознания. Напомним, что С. Д. Магид до 1931 г. была внештатным сотрудником Института по изучению народов СССР и собранные ею материалы экспедиции 1928 г. в УССР влились в состав коллекций Фонограммархива (кол. 43) еще до зачисления в штат.

«...Не соответствующим действительности является и утверждение С. Д. Магид о том, что на базе материалов Фонограммархива ею „составлен ряд сборников и написан ряд статей“. На самом же деле за всю ее научную деятельность как сотрудника Сектора фольклора Института ею опубликовано всего 4.75 п. л. мелких статей. Что же касается упоминаемого С. Д. Магид „ряда сборников“, то в Институте имеется рукопись лишь одного, нуждающегося в радикальной переработке, сборника „Песни Псковской области“,³⁹ о неудовлетворительном характере которого будет сказано ниже.

Все тщательно проверенные данные о систематическом невыполнении С. Д. Магид в течение ряда лет своих планов научно-исследовательских работ были представлены в суд, что ква-

---

³⁸ Печатается по: Документы по Фонограммархиву. Начато 10 мая 1934 г. Окончено 23 февраля 1957 г., л. 10—15 (машинописная копия).

³⁹ В настоящее время этот сборник находится в Отделе рукописей РНБ: Фонд 1000. Пост. 1978.9. № 1—3. В Рукописном фонде ФА ИРЛИ имеется рукопись сборника «Песни Великолукской области».

лифицируется С. Д. Магид в ее письме Президенту АН СССР как „фальшивки“ и как „травля“.

Заявление С. Д. Магид о том, что в Секторе фольклора якобы существует „тяжелая склочная атмосфера“ является результатом полного непонимания со стороны С. Д. Магид основ критики и самокритики: все главы для готовящегося III тома „Русского фольклора“ подвергались острой и принципиальной критике, невзирая на лица. Статья С. Д. Магид „Народнопесенное творчество в советскую эпоху“ обсуждалась на секторе дважды: 7 января и 13 марта 1950 года. Во время заседания 7 января С. Д. Магид были указаны основные пороки ее статьи. Подводя итоги, зав. Сектором фольклора доктор филологических наук А. М. Астахова отметила: „Дана регистрация, перечисление, а общих выводов нет... Статья должна давать музыкальную характеристику... На том же материале надо дать другую статью с выделением специфики музыкального языка нашего времени... Поражает обилие словесных текстов вместо разбора напевов, разбора музыкальных образов... Главное требование — переделать работу в корне, надо осмыслить собранный материал“.

На этом же заседании был установлен по согласованию с С. Д. Магид окончательный срок представления ею статьи — 7 февраля 1950 г. Этот срок С. Д. Магид не был выдержан, и поэтому назначение вторичного обсуждения окончательной редакции статьи — 13 марта — не было для нее неожиданным. Более того, об этом заседании ей лично было сказано и подтверждено по телефону 12 марта, но в ответ было сообщено из квартиры С. Д. Магид, что она заболела и на заседании присутствовать не может. По предложению дирекции сектор обсудил эту статью в отсутствие С. Д. Магид, в связи с невозможностью дальнейших оттяжек со сдачей статьи редакции тома.⁴⁰ Ф. А. Рубцов был уведомлен своевременно о предстоящем 13 марта обсуждении статьи Магид, но на заседание сектора не явился. Отсюда очевидна необоснованность обвинения со стороны С. Д. Магид в том, что от обсуждения ее статьи Институтом сознательно отстранились музыковеды» (л. 11—12).

На самом деле авторская и редакторская работа над статьями 3-го тома задуманного трехтомного издания «Русский фольклор» (3-й том, посвященный советскому фольклору, должен был быть завершен первым) продолжалась и после увольнения С. Д. Магид. Более того, «Институтом было возбуждено ходатайство перед

---

⁴⁰ Подробный протокол заседания от 13 марта в делах Отдела фольклора ИРЛИ не обнаружен: в «Книгах протоколов» научных заседаний Сектора фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР за этот период указывалась лишь повестка дня и приводился список присутствующих (см.: Книга № 2. Начато 17 января 1950).

Ученым Секретариатом Президиума АН СССР о разрешении переноса срока сдачи тома на декабрь 1951 года».⁴¹ В информационной справке по Сектору народного творчества от 26 марта 1951 г., в частности, пояснялось: «В 1948 г. Сектор работал над трехтомником под редакцией проф. М. К. Азадовского — „Русский фольклор“. В 1949 г. в связи со сменой руководства Института все три тома этого издания были подвергнуты рецензированию и признаны методологически порочными, построенными на жанровом принципе и подлежащими написанию заново на основе исторической периодизации явлений народного творчества».⁴²

Что же касается участия музыковедов в обсуждении работы С. Д. Магид, то отношение к их мнению филологов (в том числе и при подготовке разного рода фольклорных изданий) долгое время было весьма скептическим. Вряд ли могло быть иначе и в данном случае. Факт остается фактом: ни в одном из документов мы не обнаружили каких-либо негативных оценок деятельности С. Д. Магид со стороны ведущих фольклористов-музыковедов, но и отставание ее как сотрудника Фонограммархива также не было зафиксировано.

«Утверждение С. Д. Магид о том, что в „результате сложившейся тяжелой обстановки зав. Фонограммархивом Рубцов подал заявление об уходе“ — не соответствует действительности. Ф. А. Рубцов подал заявление об освобождении его от работы по болезни, пытаясь таким образом получить нужную ему формулировку ухода из института, знал о постановлении Президиума Академии наук СССР от 29 декабря 1949 г., предписывающем Директору Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР освобождаться от научных сотрудников, систематически не выполняющих в течение ряда лет своих планов научно-исследовательских работ. Так же обстояло дело и с самой С. Д. Магид.

О характере же работы Ф. А. Рубцова „Песни Смоленской области“ можно судить по архаическому репертуару записанных им песен религиозного и обрядового характера.⁴³ Говорить о подобном сборнике, как это делает С. Д. Магид, как о блестящей ра-

---

⁴¹ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 50.

⁴² Там же, л. 173. В этой же справке утверждалось, что 3-й том за один, 1950-й, год «был написан — в основном силами сотрудников Сектора — заново <...> и находится в производстве» (л. 174).

⁴³ В черновом варианте данного документа были приведены примеры такого рода «крамольных» записей: «№ 16 „Христос воскрес Сын Божий“, № 17 „Ходил Христос по белу свету“, № 19 „Христос воскрес на весь век“, песни с призывами идти „в монастырь“ (№ 140), не работать „в святую пятницу“ (№ 139 «Труженик, брось трудиться») и т. д. и т. п.» (см.: Документы по Фонограммархиву, л. 36—37).

боте, „имеющей особо важное значение, сделанной на материалах родины Глинки и вскрывающей истоки его творчества, а следовательно, и истоки русской музыкальной школы“ — значит обнаружить полнейшую неосведомленность в характере русской национальной музыки. Даже не музыковеду ясно, что нельзя выводить жизнеутверждающее творчество Глинки из напевов белорусских духовных стихов и обрядового песенного фольклора, хотя бы эти произведения и были записаны „на родине Глинки“.⁴⁴

Сборник Ф. А. Рубцова игнорирует современную песенную культуру и извращает действительное бытование песни в Смоленской области.

Подобный сборник мог быть составлен 100 лет назад, но и тогда оказался бы реакционным и искажающим подлинный характер русского народного песенного творчества» (л. 13—14).

Мы намеренно привели полностью составленное официальное мнение-отзыв о сборнике Ф. А. Рубцова, поскольку этот отзыв содержит типичные для того времени претензии к сборанию и изданию материала фольклористами, критически относящимися к понятию «советский фольклор». «Реабилитация» «Песен Смоленской области» состоялась уже после смерти автора-составителя.⁴⁵

«Сборник „Песни Псковской области“, охарактеризованный С. Д. Магид как ее „капитальная работа“, действительно „лежит в шкафу отдела без движения“, ибо он также не отражает современной песенной культуры Псковской области. Он повернут в прошлое, а советское народное творчество в нем обеднено — оно представлено всего тремя песнями и небольшим количеством частушек. Сборник состоит из 120 песенных текстов и 8 печатных листов комментариев. Вступительная статья не является теоретическим исследованием о значении песенной культуры в советскую эпоху и не дает научной характеристики современного песенного творчества, ограничиваясь общими положениями о традиционном фольклоре, известными уже по ра-

---

⁴⁴ Годом ранее, в уже упоминавшемся отчете Отдела за 1939—1949 гг., как раз подчеркивалось, что сборник Ф. А. Рубцова «представляет особый интерес ввиду смыкания в данной области русской и белорусской музыкальных культур с преобладанием русского начала» и что «родоначальник русской музыкальной школы гениальный композитор <М. И.> Глинка (в тексте ошибочно указаны другие инициалы: С. Н., т. е., вероятно, писателя С. Н. Глинки. — Л. П.) — уроженец центра Смоленщины — Ельни. Все его детские впечатления связаны с фольклором Смоленщины» (см.: Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 28).

⁴⁵ См. об этом: Ф. А. Рубцов : Материалы к сборнику «Песни Смоленской области» / Публ. Ю. И. Марченко // Из истории русской фольклористики. СПб., 2006. Вып. 6. С. 158—247.

ботам таких знатоков русской песни, как Е. Э. Линева, Лопатин и Прокунин, З. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус и др.

Содержание комментариев не отвечает назначению книги как научно-популярного <?> издания. Комментарии перегружены библиографическими данными и во многом повторяют комментарии вышедшего в 1937 году сборника „Песни Пинежья“ (Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд) (стало быть, тоже научно-популярного? — *Л. П.*). Не отвечает типу научно-популярного издания и транскрипция текстов, переданных в псковском говоре. Сама эта транскрипция, по отзыву языковеда А. П. Евгеньевой, является не точной и не научной» (л. 14).

Характер высказанных здесь претензий не давал права заявлять об этой работе как вовсе не состоявшейся и, следовательно, обвинять в невыполнении соответствующего планового задания. Вспомним, что до увольнения С. Д. Магид реч шла именно о *доработке* издания. Утверждение, что сборник «Песни Псковской области» (равно как и «Песни Смоленской области» Ф. А. Рубцова) «признан на научном заседании сектора подлежащим *переработке* (курсив мой. — *Л. П.*)»⁴⁶ появилось позднее — в справке «Итоги работ Сектора за 1948—1950 гг.», подписанной новым заведующим И. П. Дмитраковым 26 марта 1951 г. Заметим, впрочем, что в этой итоговой справке обозначены и другие издания, считавшиеся завершенными, но таковыми не признанные: «„Устные рассказы и сказки Ленинградской области“ (объем 35 п. л., редакторы А. М. Астахова и А. Н. Лозанова, составители В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева). Сборник не сдан в печать, так как должен быть разделен на два полутома: „Устные рассказы“ и „Сказки“»; «„Новые записи исторических песен“ (15 п. л., редактор А. М. Астахова, составители А. Н. Лозанова и П. Г. Ширяева). Сборник возвращен РИСО для доработки».⁴⁷

Думается, справедливо было бы констатировать, что для завершения работы над «Песнями Псковской области» С. Д. Магид не хватило не профессионализма или желания довести дело до конца, а просто времени. Позднее (уже после смерти С. Д. Магид) часть материалов сборника была включена в состав издания Н. Л. Котиковой «Народные песни Псковской области» (М.: Музыка, 1966).⁴⁸

«Не соответствующим действительности является и заявление С. Д. Магид о том, что в Институте, как правило, сознательно тормозилась экспедиционно-научная работа. Единственный

---

⁴⁶ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 174.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ О структуре сборника С. Д. Магид и судьбе его материалов см.: Якубовская Е. И. Страницы биографии Н. Л. Котиковой. С. 512—584 наст. изд.

случай перенесения Великолукской экспедиции с I-го квартала 1949 года на II квартал того же года был вызван задержкой получения ассигнований из Москвы.

Заключение С. Д. Магид о явной „гибели“ Фонограммархива в условиях Института русской литературы не соответствует действительному положению вещей, которое правильно показано в докладной записке на Ваше имя о состоянии Фонограммархива от 25 сентября за № 193-9» (л. 14—15)

Письмо С. Д. Магид, судя по цитатам из него, действительно содержало крайне резкие и, вероятно, не всегда справедливые высказывания, заставляя руководство Отдела и Института не просто отвечать на «запрос», но и оправдываться. Из чернового варианта «ответа» был вычеркнут весьма показательный в этом отношении абзац: «Ничем не подтверждается в письме, потому что не может быть подтверждено, обвинение дирекции в отказе от „обсуждения изменения плана работ Фонограммархива в свете новых массовых политических задач“, как указывается Магид. Таких планов в дирекцию от сотрудников Фонограммархива не поступало ни в Сектор фольклора, ни в дирекцию Ин<сти>тута».⁴⁹ О том же свидетельствуют и заключительные фразы публикуемого здесь документа, призванные убедить Президиум АН СССР в положительной общественной деятельности Отдела в целом:

«Сектор фольклора Института развертывает большую общественную работу по связи с ленинградской композиторской общественностью и рабочей художественной самодеятельностью Ленинграда.

Работники сектора и Фонограммархива поддерживают и укрепляют связь с самодеятельными коллективами Ленинградской и Вологодской областей. В Фонограммархиве ведется ежедневная работа по консультациям и по записи современного творчества от отдельных исполнителей. Это еще раз подчеркивает тенденциозность утверждения С. Д. Магид о том, что „хранение музыкального фольклора в настоящий момент является фактически беспризорным и умертвленным“ (!).

В настоящее время Институт предпринимает ряд мероприятий по пополнению и укреплению штата Фонограммархива высококвалифицированными музыковедами» (л. 15).

Стоит отметить, что от Отдела фольклора документ был подписан канд. филол. наук И. П. Дмитраковым, направленным ЦК ВКП(б) на должность заведующего Сектором устного народного творчества только в 1950 г. и, естественно, не успевшим лично объективно разобраться в сложившейся ситуации. А между тем в результате произведенных «сокращений» в этот период образовалась катастрофическая «лакуна» не только в

---

⁴⁹ Документы по Фонограммархиву, л. 42.

заведовании Фонограммархивом, но и в музыковедческом его составе, что, безусловно, отражалось на работе подразделения в целом. В докладной записке Ученому секретарю Президиума Академии наук СССР от 25.09.1950 г., в частности, отмечалось: «В настоящее время штат Фонограммархива состоит лишь из 3 сотрудников: 1) и. о. Зав. гальванопластической мастерской — ст. н<аучно>-техническ<ого> работник<а> со средним техническим образованием (Н. И. Клочкова. — *Л. П.*), 2) лаборанта со средним образованием (В. А. Виноградовой. — *Л. П.*) и 3) ст. н<аучно>-технического сотрудника, хранителя фонотеки — дипломантки Ленинградской Консерватории (А. Г. Кудышкиной. — *Л. П.*). В настоящем своем составе Фонограммархив не имеет ни одного высококвалифицированного музыковеда-фольклориста и остро нуждается в срочном усилении кадров. Необходимо срочное привлечение в Фонограммархив не менее двух высококвалифицированных специалистов-музыковедов на должности: а) Заведующего Фонограммархив<ом>, желательно со степенью доктора искусствоведческих наук; б) Высококвалифицированного расшифровщика сложных фонограмм, желательно со степенью кандидата искусствоведческих наук».⁵⁰

Поистине, что имеем — тем не дорожим.

С. Д. Магид была разносторонним человеком и ученым. Она безусловно принесла бы еще немалую пользу Фонограммархиву, учитывая к тому же многонациональный состав его фондов. Записи фольклора, сделанные С. Д. Магид в разных регионах России, в том числе и от представителей «малых» народов, в настоящее время вполне доступны и ждут своего исследователя.

Судьбы многих ученых, не исключая и сотрудников Пушкинского Дома, складывались весьма драматично. Многие достойные научные труды так и не вышли в свет при жизни их создателей. И лучшая дань памяти исследователю, лучший способ его «реабилитации» — это введение в научный оборот результатов его творческой деятельности.

* * *

Мы представляем материалы по русскому фольклору, собранные С. Д. Магид и М. Е. Шереметевой во время совместной экспедиции в Калужский и Перемышльский р-ны Московской обл. Положительные результаты этой экспедиции были отмечены в справке «Отдел фольклора Института русской литературы

---

⁵⁰ Годовой план работы сектора. Начато 31 декабря 1949 г. Окончено 11 ноября 1952 г. (Индекс № 211), л. 117.

Академии наук СССР в 1939—1949 гг.»: «Большой и интересный вклад в Рукописное хранилище внесли материалы по фольклорному обследованию Московской области, организованные зимой 1934 <?>—35 г. Московским Облисполкомом и Московским Обкомом ВКП(б) при научном руководстве фольклорной секции Института этнографии».⁵¹

Экспедиция проводилась зимой (январь—февраль) 1935 г. Были обследованы населенные пункты Калужского (с. Ромодановское, д. Большие Сушки, д. Малая Слободка, с. Куровское, с. Воротынское, д. Колышево, д. Обухово) и Перемышльского (с. Корекозово, д. Киреево) районов. В состав экспедиции входили С. Д. Магид (руководитель) и М. Е. Шереметева. Фамилия еще одного участника — С. Рязова, о котором уже упоминалось в статье, в «официальных» документах Фольклорной секции ИАЭ не значилась.

Для решения основной задачи — изучения песенной фольклорной традиции данного региона творческий «дуэт» С. Д. Магид и М. Е. Шереметевой оказался очень плодотворным. С одной стороны, М. Е. Шереметева в 1926 г., будучи сотрудником Калужского областного музея, уже побывала в ряде селений бывшего Калужского уезда с целью изучения свадебного обряда.⁵² Впоследствии по материалам своих записей собирательница подготовила к изданию небольшую книгу с описанием свадебного обряда Гамаюнщины, включая тексты свадебных песен.⁵³ С другой стороны, М. Е. Шереметева производила записи как этнограф. Песни записывались ею, судя по всему, в сольном исполнении и, по всей вероятности, не всегда в момент пения: «...мной сделаны многочисленные записи песен и подробностей свадебного обряда *со слов* (курсив мой. — Л. П.) старух и стариков в разных гамаюнских селениях».⁵⁴ Зафиксировать мелодию без соответствующей аппаратуры, естественно, не представлялось возможным. В своей книге М. Е. Шереметева выражает благодарность «Н. П. Ракову, записавшему с голоса гамаюнских крестьянок 13 мелодий свадебных песен».⁵⁵ Благодаря же участию в экспедиции 1935 г. опытного фольклориста-музыковеда С. Д. Магид, песни, как правило, записывались в хоровом испол-

---

⁵¹ Там же, с. 12.

⁵² Первый раз — совместно с этнографической секцией при Калужском обществе истории и древностей, второй — во время трехдневной командировки от Калужского областного музея.

⁵³ *Шереметева М. Е.* Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга, 1928 (Труды Калужского общества истории и древностей).

⁵⁴ Там же. С. 4

⁵⁵ Там же. С. 5. В издании помещены нотировки этих 13 песен (по 2—3 строфы).

нении (5—15 чел.) и удалось зафиксировать в том числе образцы групповых причитаний.

Кроме с. Ромоданово в 1935 г. (относительно 1926 г.) обследовались другие населенные пункты Калужского края. Производились записи (текстовые и на фонографических цилиндрах) почти исключительно традиционного крестьянского фольклора, но не только свадьбы. Это была протяжная лирика, хороводно-игровые песни с описанием движений, хороводные без движения, свадебные с указанием на их привязанность к определенным моментам обряда, единичные записи романсов, частушки и страдания.

Обращает на себя внимание тот факт, что возраст большинства исполнителей не превышает 35 лет. Среди них много совсем молодых — 17—23 лет. Это безусловно свидетельствует о хорошей еще сохранности в середине 30-х гг. XX в. традиционной культуры пения в данном регионе.

7 марта 1935 г. материалы экспедиции были переданы С. Д. Магид в хранилище Фольклорной секции ИАЭ АН СССР и впоследствии составили коллекцию № 122 Фонограммархива и коллекцию № 49 Рукописного хранилища Сектора фольклора ИЛИ (ИРЛИ) АН СССР. В настоящее время текстовые материалы находятся в РО ИРЛИ РАН (р. V, кол. 49, п. 1—7). 1-я и 2-я папки — беловые копии экспедиционных записей. Среди них — несколько полевых записей на разрозненных блокнотных листах и в «остатках» блокнота, принадлежащих, судя по единичным отметкам на записях и подписи на блокноте, еще одному участнику экспедиции 1935 г. — С. Рязову, сведения о котором, как уже отмечалось ранее, в «официальных» бумагах отсутствуют. Папки 3 и 4 — машинописные копии материалов, содержащихся в первых папках, а также вторые экземпляры машинописи. Папки 5 и 6 — записи частушек и страданий. В папке 7 содержатся немногие фотоматериалы экспедиции, состояние которых не позволяет, к сожалению, опубликовать их в настоящее время. Общие сведения об обследованных населенных пунктах приведены в п. 2, № 83.

Беловая копия конкретного текста не содержит паспортных данных. Эти данные имеются на обложках, в которые вложены рукописные тексты, зафиксированные в одном населенном пункте. Надписи на обложках сделаны, вероятно, хранителем фольклорного хранилища тех лет. При этом фамилия собирателя либо вообще не указана (записи в селах Киреево, Воротынское, Малая Слободка), либо указана одна С. Д. Магид (записи в селах Ромодановском, Большие Сушки, Корекозово — кроме частушек, где обозначены две фамилии: С. Д. Магид и М. Е. Шереметева). Вместе с тем на некоторых (но только на некоторых) листках с перебеленными текстами сверху имеются пометы, сделан-

ные простым карандашом или красными чернилами: «Магид» (п. 1, № 39, л. 1; п. 1, № 48; п. 1, № 50 и др.), «Шереметева» (п. 1, № 41, л. 1), «Рязов» (п. 1, № 36). Однако остается неясным, кем и когда сделаны эти пометы. Поскольку в ряде случаев фамилия «Магид» стоит под вопросом (п. 1, № 52, л. 1), то пометы вряд ли принадлежат одной из собирательниц. Машинописные копии каждого из текстов, напротив, содержат паспортные сведения, в том числе (в большинстве случаев) фамилию конкретного собирателя. Однако достоверность этих сведений вызывает некоторые сомнения. Если следовать этим указаниям, то окажется, что на одном и том же фонографическом цилиндре⁵⁶ записи делались поочередно: то М. Е. Шереметевой, то С. Д. Магид (ФА ФВ 3949.01 и 3949.02 — записи М. Е. Шереметевой, 3949.03 и 3949.04 — записи С. Д. Магид, 3949.05 — вновь М. Е. Шереметевой; ФА ФВ 3951.01 — запись М. Е. Шереметевой, 3951.02 и 3951.03 — С. Д. Магид). Или другой пример: песня «Посиди, Дуня, потерпи горя...». Фрагмент с записью на фонограф в д. Большие Сушки и полный текст из с. Куровское переписаны набело одной рукой. Но на листе с фрагментом надпись карандашом «Магид», а на листе с полным текстом — «Шереметева». Скорее всего, такого рода разделение весьма условно и работа проводилась совместно, что гораздо вероятнее и чисто технически. Посему мы также не будем разделять материалы экспедиции 1935 г. на записи музыковед С. Д. Магид и записи этнографа М. Е. Шереметевой.

В настоящей статье тексты публикуются по рукописным беловым копиям,⁵⁷ хранящимся в РО ИРЛИ РАН. В примечаниях к каждому номеру, кроме шифра Рукописного отдела, дается ссылка на соответствующую звукозапись (если таковая имеется)⁵⁸ в кол. № 122 ФА ИРЛИ.

Необходимо отметить, что собиратели стремились к фонетически точной передаче распетых текстов, старательно фиксируя «иканье» и «акающий» московский говор.⁵⁹ В беловых рукописях довольно много примеров, когда первоначально четко про-

---

⁵⁶ Заметим, что в описи фонографических цилиндров (ФВ 3939—3975) указана — что в то время было общепринятым — только фамилия музыковед (в данном случае — С. Д. Магид).

⁵⁷ Машинописные копии с неисправленными опечатками нами не учитываются.

⁵⁸ Некоторые песни были зафиксированы «на слух», без фонографа. Кроме того, среди рукописных материалов имеются тексты, звукозаписи которых не сохранились, так как соответствующие валики (вероятно, при транспортировке во время войны) оказались разбитыми (ФВ 3948. 01–04 и ФВ 3952. 01–04).

⁵⁹ В уже упоминавшейся книге М. Е. Шереметевой «Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда» «аканье» и «иканье» отмечено в том числе и при передаче спонтанной речи.

писанное (в соответствии с правилами орфографии) «о» в слове исправлено на «а»: «Неаткуль взялси млад сизо́й арел» — первоначально зафиксированное «орел» исправлено на «арел») (кол. 49, п. 1, № 60, стихи 35—36); «Паживи («о» исправлено на «а»), мая сестрица» (кол. 49, п. 2, № 30, стих 74); «Прилетал тот ясен сакол» — «сакол» исправлено из «сокол» (кол. 49, п. 1, № 57, стих 8); «Ясныва сокала залётныва» — «сокала» исправлено из «сокола» (кол. 49, п. 1, № 57, стихи 25 и 26) и т. п.

Тем не менее в беловых рукописях все же встречаются разночтения в написании одного и того же слова, вызванные скорее «машинальной» орфографически правильной записью, нежели вариативностью звучания: кол. 49, п. 1, № 10 — в стихе 38 четко прописано «балота», а в стихе 40 четко прописано «болота»; кол. 49, п. 1, № 57 — «На серебряну причалинку» (стих 11) и «На сиребрину причалинку» (стих 12) или: «Што никто не догадайтца./Дагадалься иё матушка,/ Дагадалься иё матушка,/ Её матушка-сударушка» (стихи 16—19); кол. 49, п. 2, № 45 — «Да вы што же её не по́ймали?» (стих 19) и «Мы поймать иё не по́ймали» (стих 20) и т. д.

Учитывая все сказанное, мы позволили себе внести в публикуемые записи некоторую фонетическую правку, всякий раз непременно отмечая таковую путем подчеркивания соответствующей буквы: «и» (при «иканье») заменено на «е», «а» (при «аканье») — на «о». Поскольку целью такого редактирования является удобство восприятия текстов, «аканье» и «иканье» снимаются только в приставке и корне слова — и лишь в единичных случаях — в суффиксах, если «аканье» мешает прояснению значения слова: «На нем кудри ветром выють» (кол. 49, п. 1, № 27, стих 42, 44). То же касается гласных на конце наречий, т. е. вместо «часта» печатается «часто». Возможность двоякого прочтения рукописи («а» в записях зачастую трудно отличить от «о») оговаривается в примечаниях к тексту.

Вместе с тем «аканье» и «иканье» сохраняются в приставке и корне слова, если соответствующий слог — ударный («вичеру») или может быть воспринят как ударный («систрицы-подружки»).

Оглушение согласных на конце слов, зафиксированное (хотя и в единичных случаях) в рукописи, в публикации отмечается лишь подчеркиванием измененной буквы: вместо «вакрук» — «вокруг». Таким же способом указывается на отображение в записях мягкости всегда мягкого «ч»: вместо «Дружечька» печатается «Дружечька».

В круглые скобки (отсутствующие в оригинале) заключены гласные, которые воспринимаются как огласовки согласных либо указывают на особую протяженность звука. К примеру, вместо «А — тышла да пырочь атыехала» (текст № 19) печатается «Оты(ы)шла да п(ы)рочь от(ы)ехала».

Если в экспедиционных записях есть указание на повтор стихов (как правило, в круглых скобках стоит цифра 2 или помечено «2 раза»), то в настоящей публикации стихи повторяются без дополнительных на то указаний. Оговорки делаются лишь при пометах «и т. д.», означающих повтор нескольких строк. Не воспроизводится черта, отделяющая четверостишия в текстах оригиналов.

Отдельные буквы, восстановленные собирателями и заключенные в круглые скобки, даются в квадратных скобках. Пунктуация, почти отсутствующая в рукописях, приведена в соответствии с современными синтаксическими нормами.

Настоящую публикацию мы рассматриваем как предварительную, поскольку песенные тексты не сопровождаются соответствующими расшифровками напевов. Но, учитывая вынужденную фрагментарность записей на фонограф, а также их техническое состояние в настоящее время, считаем, что публикуемые материалы не только позволяют составить представление о работе С. Д. Магид как собирательницы русского песенного фольклора, но и станут существенным подспорьем при возможной будущей работе со звукозаписями экспедиции 1935 г. фольклористов-музыковедов.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ И ПРИЧИТАНИЯ¹

№ 1

Плач невесты за столом на девишнике (сопровождается хоровым пением — см. текст № 2).

Да пропил ты меня,
А родный батюшка,
А за зелёную вино,
За рюмочку серебряную.
⁵ Ой, да когда ж я у тебе,
Ох, родный батюшка,

---

¹ Материалы экспедиции 1935 г. не содержат этнографического описания свадебного обряда. Но отмечаемая приуроченность песен к тому или иному моменту свадебной игры свидетельствует об идентичности основных обрядовых действий с теми, что были зафиксированы в 1926 г. М. Е. Шереметевой. Публикуемые здесь тексты расположены в соответствии с последовательностью элементов свадебного обряда: девишник; утро свадебного дня; поезжанье (действия, связанные с возвращением невесты из церкви в дом матери и приездом туда «поезжан» — женихова «поезда»); почестные (действия в доме жениха, куда приезжают жених с невестой и «почестные» — «поезд» невесты).

Ах, со слезьми за стол садились,
А слезьми горючими
А обливались.
10 Ах, да спасибо тебе,
Ах, родный батюшка
И родная матуш(и)ка...

№ 2

«Песня эта поется в начале девишника. Во время этой песни невеста за столом воет» (л. 2)² (см. текст № 1).

Ай, што при вичеру,
Чису вичеру,
При последнем чису вичеру,
При последнем чису вичеру,
5 Да при Марьянам девишничкю,
При Марьянам девишничкю,
При Ивановам стоворничке
Прилетал тот ясен сокол.
Вон садил(ы)ся на окошечкю,
10 Он садился на окошечкю,
На серебряну причалинку,
На серебряну причалинку,
Позолочену приборинку,
Позолочену приборинку —
15 Што никто не догадайтца,
Што никто не догадайтца.
Догадались её матушка,
Догадались её матушка,
Её матушка-сударушка,
20 Её матушка-сударушка:
«И дитя моя, детонька,
Ты дитя моя, детонька!
Ты прий-ка ясна сокыла,
Ты прий-ка яснава сокыла,
25 Ясныва сокола залётныва,
Ясныва сокола залётныва,
Доброва молодца приезжева,
Доброва молодца приезжева —
Ивана Матвеевича».

---

² Пояснения к тексту, взятые в кавычки, цитируются по беловым копиям с указанием в круглых скобках не полного шифра (помещенного в примечаниях), а только соответствующего листа рукописи.

№ 3

Плач невесты (сопровождается хорovým пением — см. текст № 4).

Ох, пикрасуйтєся
Ох, и матушки
И ох, подружаньки
И ох, на моем пир-беседушке
5 При девичей волюшке,
При широкой долюшке.
Родная моя матушка!
Што ж у тебе за пир-беседушка:
Иль ты сына женишь,
10 Или невестку берешь?
Ведь ты свою слугу верною
Со двора отдаешь!
Открасовалась моя русая косушка
Во лендах, во светях....
.....

№ 4

«Поют „на девшиинку“» (групповая причетъ — см. текст № 3).

Ой, во трубушку трубили
Рáно по заре,
И рáно по заре.
Ой, плакала ў нас Марьюшка
5 По русай кóсе,
По русай кóсе:
«Ой ты свет, ты моя косуш(ы)ка,
Русая была,
Русая была.
10 Осуди^а ево, Господи, Ивана мово,
Ой, Васильевича,
Ой, Васильевича!
Он прислал ко мне свашенькю
Немилосливаю,
15 Нежалосливаю.
Ой, стала мою косуш(ы)ку
И рвать, и метать,
И рвать, и метать,
Ой, поутру ранёшунья
20 На две заплетать,
На две заплетать.

^а В ркп. «О суди».

№ 5

Плач невесты (сопровождается хорovým пением — см. текст № 6).

Не расплетай ты, жалкая сватунька,
Мою косу русую,
Не выплетай-ка
Мою ленту алую!

№ 6

«Поется на девшинике» (невеста в это время причитывает — см. текст № 5)

Во трубушку трубю́т
Рано по́ заре,
Рано по́ заре.
Да свет Марья плачет
5 По русай ко́се,
По русай ко́се:
«Да свет моя́ ко́сушка
Русая была,
Русая была,
10 По́ утру ранёшунька
Матушка плела,
Матушка плела.
Приехала сватунька
Немилосливая,
15 Немилосливая.
Стала мою́ ко́сушку
И рвать-порывать,
И рвать-порывать.
Стала мою́ русою
20 На два заплетать,
На два заплетать».

№ 7

«Песня принадлежит к циклу так называемых „елушных“ песен, которые пелись на девшинике».³

---

³ Примечание С. Д. Магид с дополнительным указанием: «Песня была пропета в сокращенном виде. Полный текст смотри: М. Е. Шереметева. „Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда“. Калуга, 1928 г. <С. 66—67>». Текст в книге М. Е. Шереметевой предваряет описание: «Накануне свадьбы вечером, в доме невесты, девушки-подруги устанавливают на столе под образами елку, украшенную бумажными цветками и лоскутками разных

На горе-то стоить ёлушка,
 Под гырой стоить светёлушка,
     Под гырой стоить светёлушка,
 За светёлушкой — убрáной стол,
 5   За светёлушкой — убрáной стол.
 За столом сидят девушки,
     За столом сидят девушки,
 Красна[я]^а девушка Настасьюшка,
     Красная девушка Настасьюшка.
 10 Приходил к ей рóдный батюшка,
     Приходил к ей рóдный батюшка.
 Вон и зовёт, зовёт Настасьюшку домой,
     Вон зовёт, зовёт Настасьюшку домой:
 «Ты пойдем, пойдем, Настасьюшка со мной!» —
 15 «Я не йду, не йду, не слушаюсь:
 Темна ночушка немесечная!»
 К ней приходит родня^а матушка,
 Вона зовёт, зовёт Настасьюшку домой,
     Вона зовёт, зовёт Настасьюшку домой:
 20 «Ты пойдём, пойдём, Настасьюшка, со мной!» —
 «Я не йду, не йду, не слушаюсь тебе:
 Темна ночушка немесечная!»
 К ней приходит свет Иванович,
 И вон зовёт, зовёт Настасьюшку домой,
 25 Вон зовёт, зовёт Настасьюшку домой:
 «Ты пойдем, пойдем, Настасьюшка, со мной!» —
 «Я иду, иду, и слушаюсь тебе:
 Темна ночушка все месечная!»

---

^а В ркп. на конце слова — «я» со знаком, указывающим на неслоговой звук: ѣ.

№ 8

*«Поется на девишнике».*⁴

Немножко, неможко ж веночку висеть,
 На стенке висеть,
 На стенке висеть,

тканей; на деревце зажигали восковые свечи. Невеста садилась под образами на лавке. Лицо ее было закрыто развернутым ситцевым платком. Она начинала плакать, а девушки затягивали <...> песни, во время которых невеста продолжала свой причет» (Там же. С. 66).

⁴ Песню пели подружки невесты, а невеста в это время, согласно описанию свадебного обряда М. Е. Шереметевой, «продолжала плакать на голос» (Свадьба в Гамаюнщине... С. 67). Здесь же опубликован вариант этой песни (с. 67—68).

- А на стенке висеть.
 5 Немножко, немножко в девушках сидеть,
 Красных посидеть,
 Немножко, немножко — один вечерок.
 У трубушку трубить
 Рано по утрам,
 10 Рано по утрам.
 Плакала Настасьюшка
 По русай косе,
 По русай косе:
 «Уж ты, моя косушка,
 15 Русая была,
 Русья была.
 Уж я тебе, косушка,
 Часто г(ы)ладила,
 Часто г(ы)ладила.
 20 Уж я тебе, косушка,
 Мелко плётывала,
 Мелко плётывала.
 Пришла ко мне свашунька
 Эх, немилосливая,
 25 Эх, и нежалосливая.
 Стала мою косушку
 Р(ы)вать и щипать,
 И рвать, и щипать.
 Стала мою косушку
 30 На две заплетать,
 На две заплетать».

№ 9

«Поют на девиннике».

- «Соколы́, и эй вы, мои соколы́,
 И соколы́, эй вы, мои яс(ы)наи,
 Соколы́, и эй вы, мои яснаи!
 Эй, вы куда жа, сокол', лётали
 5 И вы куда жа, сокол', лётали?» —
 «Уж мы лётали, лётали,
 Уж мы лётали, лётали,
 И с моря на мыря мы лётали,
 10 С моря на мыря мы лётали». —
 «Да вы што жа, сокол', видели,
 Да вы што жа, сокол', видели?» —
 «Уж мы видели, видели,
 Уж мы видели, видели,
 15 Сера вўтицу на мыри,
 Сера вўтицу на мыри». —

«Да вы што же ей не по́ймали,
Да вы што же её не по́ймали?» —
20 «Мы поймать её не по́ймали,
Мы пыймать её не по́ймали —
С крылья пёрышки повыщипали,
С крылья перя повыщипали,
На синяя мóря бросили,
25 На синяя мóря бросили.
И поплыла ж наша вутица,
И поплыла ж наша утица
А вдоль по морю, морю синему».

№ 10

«Поют на девшинике».

«Берёза, берёза,
Белья берёза,
Э люли-люли,
Белья берёза!
5 Што жа ты, берёза,
Рано зашумела,
Эй, люли-люли,
Рано зашумела?» —
«Как жа мне, берёзи,^a
10 Рано не шумети,
Э, люли-люли,
Рано не шумети:
Холодныя воды
Коренья^b подмыли,^b
15 Э, люли-люли,
Коренья^b подмыли;^b
Буйнами ветрами
Сучьи поломали,
Эй, люли-люли,
20 Сучьи поломали;
Красным(и) солнцем
Макушу сушила,
Эй, люли-люли,
Макушу сушила». —
25 «Што жа ты, Марья,
Рано затужила,
Эй, люли-люли,
Рано затужила?» —
«Систрицы-подружки!
30 Как мени не тужити,
Эй, люли-люли,
Как мени не тужити:

Васильевы кони^в
 Стоять заложены,
 35   Эй, люли-люли,
           Стоять заложены;
 Васильевы слуги
 Давно наготови,
           Эй, люли-люли,
 40   Давно наготови;
 Васильева сила
 На двор заступила,
           Эй, люли-люли,
           На двор заступила».

^а В ркп. «берези», однако отсутствие точек над «е», скорее всего, результат скорописи; ср. написание этого слова в стихах 1, 2, 4, 5.

^б Неясно, «а» или «о» в слове.

^в В ркп. «куни», над «у» сверху в скобках «о».

№ 11

«Песню эту поют, сидя на девшинике».

Как и сгаркнула голубушка
 За селом, за селом,
 За селом.
 И как усплакылась свет Марьюшка
 5   За стылom, за стылom,
           За стылom:
           «И да немилослив родный батюшка
           Да мене, да мене,
           Да мене
 10   Отдаёт мине, молодёхуньку,
           От себе, от себе,
           От себе.
           Оставляеть мои светики
           Все себе, все себе,
 15   Все себе.
           (Й)уставай-ка,^а родна матушка,
           Раненько, раненько,
           Раненько.
           И наливай-ка мои светики
 20   Частенько, частенько
           Частенько
           Не утрами, не вечерними
           Зарями, зарями,
           Зарями —
 25   Но^б горячими, родна матушка,

Слезами, слезами,
Слезами!»

---

^a В ркп. «Юставай-ка».

^b В ркп. «На», однако сверху в скобках надписано «о».

№ 12

*Плач невесты.*⁵

Спаси Христос, рódный батюшка,
За хлеб, за́ соль!
А тебе, рódная матушка, —
За тёплую кватёрушку!
⁵ И тебе, рódный братец, —
За ласковы словечки!

№ 13

*«Плач невесты, стоящей на телеге, при отъезде из дома матери»
(сопровождается хорovým пением — см. текст № 5).*

Простите мене, все добрые людюшки,
Все тетушки и дядюшки,
Сестрицы-подруженьки!
Не запомните мне мои прежние грубости,
⁵ Мои девичьи глупости!

№ 14

Дружечка во^кру^т коней ходить,
Свашен(и)ка хмелем осы^паить.
«Дружечка, ходи по^ско^рея!
Свашен(и)ка, осы^пь ты по^сме^лея!
⁵ Свашен(и)ка, хмель-то яровая —
Штоб невеста была наша веселáя».

---

⁵ В книге М. Е. Шереметевой помещен вариант текста с указанием, что на девешнике, уже после отъезда «овощных» (родни жениха с подарками невесте), когда «подруги поедят, невеста благодарит отца с матерью и плачет», «и так всех благодарит в очередь» (*Шереметева М. Е. Свадьба в Гамаюнщине... С. 31*).

№ 15

«„Елушку“ играют, когда утром собирают у матери невесту; поют ее невесте-сиротке».

- «Елушка-сосёнушка!
Все ль тебе сучки-ветачки,
Все ль тебе отростачки?» —
«Однава сучка нетути —
5 Што самой верхушачки,
Што самой верхушачки,
Золотой макушечки,
Золотой макушечки». —
«Все ль тебе, свет Марьюшке,
10 Все ль тебе гости собраны,
Все ль тебе гости собраны,
Все ль тебе за стол посажены?» —
«Однаво гостя нетути,
Самыва любимыва,
15 Самыва любимыва —
Батюшки родимыва,
Батюшки родимыва.
Вы сестрицы-подружаньки,^a
Вы подружаньки!^a
20 Вы сходятя во Божий храм,
Вы сходятя во Божий храм,
И узайдитя во Божий храм,
И ударьтя в большой колокол —
Пробудитя мово батюшку
25 На мою ль беседушку,
На мою ль на горькаю!»

---

^a В ркп. скорее «о», чем «а» в приставке.

№ 16

«Эту песню поют девушки перед свадьбой сиротки».

- Што ни лучше древушке
Бох листву не дал.
А мне, красной девушке,
Бох счастья не дал.
5 Отдал мене батюшка
Замуж далеко,
А лихая мачеха —
Ишшо дальше.
Приказал мне батюшка
10 Пять лет не бывать,

А лихая мачеха —
Совсем не бывать.
Скинуся кукушечкой,
Полечу я в сад.
15 Как я закукую —
Весь сад оглушу.
Как я зап(ы)лачу —
Весь сад затоплю.

№ 17

«Поётся молодым, когда „Встречают от венца“».

Где ты был,
Где ты был,
Да сизый селезень?
Где ты была,
5 Где ты была,
Сера вутушка?
Бох вас снёс,
Бох вас снёс,
В одно в озеро.
10 Где ты был,
Где ты был,
Николай Михайлович?
Где ты была,
Где ты была,
15 Мария Ивановна?
Бох вас снёс,
Бох вас снёс,
За [о]дин стол, за [о]дно кушонье.

№ 18

«Дружку накрывают рушником, и он начинает резать каравай».

Дружечка коравай крой[ть],
Под(ы)ружия сыр колупаить.
Как у нас на дворе
То дождь, то мятель,
5 То мятелица мятет.
У нашево дружки
Раскрыты макушки,
Подружия сыр колупаить.
Как у нас на дворе
10 <То дождь, то мятель,
То мятелица мятет>^a

У нашева дружки
А накрыты макушки.
Как у нас на дворе
15 <То дождь, то мятель,
То мятелица мятет>.

---

^a В ркп. вместо части припева, выделенной угловыми скобками, — помета: «и т. д.».

№ 19

«Поется после венчания в церкви — на поезжань».

Розлилася-разли(е)леилася
По лугам вода вол(и)ныя,
По лугам(ы) вода вольныя.
Эй, отошла-п(ы)рочь от(ы)ехала,
5 Оты(ы)шла, да п(ы)рочь от(ы)ехала
Эх, любимая дочь от матери.
Ворочал ее батюшка:
«Эх, и воротись моя детын(и)ка,
Воротися, да ж ты моя милая!
10 Ах, и позабыла золотые ключи,
Позабыла ж ты золотые ключи,
Эх, и позабыла ищцо пер(и)стень свой...».⁶

---

⁶ В книге М. Е. Шереметевой «Свадьба в Гамаюнщине...» при описании такого действия, как «поезжанье», опубликован более полный вариант этой песни: «Молодых выводят из хаты, а девушки в это время поют: „Разлилась, разлеялась...“» (с. 44). В записи 1935 г. в тексте оказалась усеченной концовка, приводимая здесь по варианту издания 1928 г. (знаки препинания проставлены в соответствии с современными нормами правописания):

«...Позабыла золоты ключи,
Сы шалкóвым своим пóисам,
Сы шалкóвым своим пóисам,
Сы кольцом позолоченным,
Сы кольцом позолоченным!» —
«Не обманувай, батюшка,
Не обманувай, рóдимый!
Не забыла золоты ключи,
Сы шалкóвым своим пóисам,
Сы кольцом позолоченным —
А забыла я, батюшка,
Свою волю — нéгату ,
Свою волю — нéгату
И свет девичью красоту!»

№ 20

«Песня поется несколько раз подругами невесты, когда приглашают сватов из дома молодой на почестные. Подруги запирают сватов; они должны откупиться деньгами».

Друженька-перевертушка!
Перевернись,
Как пёрушка!
У окно не вылезешь^a —
⁵ У дверь не выпустим.

---

^a «Вариант — „не выпрыгнешь“» — примеч. собирателя. Вероятно, некоторые песни пропевались дважды.

№ 21

«Величальная молодым на поезжаньи и на почестных» (л. 3).

У голубя у сизова
Зылотая гылова,
И ой лёли, и ой лёли,
Зылотая гылова.
⁵ У голубки, у голубки
Пызолоченная,
И ой лёли, и ой лёли,
Пызолоченная.
У Ивана, у Ивана
¹⁰ Молодая жена,
И ой лели, <и ой лели,
Молодая жена>^a
Все молоденькая,
Все хорошенькая,
¹⁵ И ой лели, <и ой лели,
Все хорошенькая>.
Собирались, срезжались
Все Ивановы друзья,
И ой лели, <и ой лели,
²⁰ Все Ивановы друзья>
Любавались, милавались
Все Ивановой жене,
И ой лели, <и ой лели,
Все Ивановой жене>:
²⁵ Кабы эта сударушка
Моя была жена,
И ой лели, <и ой лели,
Моя была жена> —

Я бы эту сударушку
 30 Во колясачке возил,
     И ой лели, <и ой лели,
     Во колясачке возил>,
 Во колясачках возил
 На ямских лошадях,
 35 И ой лели, <и ой лели,
     На ямских лошадях>,
 На ямских лошадях,
 Все на вóрных конях,
     И ой лели, <и ой лели,
 40 Все на вóрных конях>,
 Все на вóрных конях,
 На расписанных санях,
     И ой лели, <и ой лели,
     На расписанных санях>.
 45 Наши кони вороныи,
 Извозчики молодыи,
     И ой лели, <и ой лели,
     Извозчики молодыи>.
 Приударья, приударья
 50 По ямским лошадям,
     И ой лели, <и ой лели,
     По ямским лошадям>,
 По ямским лошадям,
 Все по вóраным коням,
 55 И ой лели, <и ой лели,
     Все по вóраным коням>.
 Позабавья, позабавья
 Вы сударушку мою,
     И ой лели, <и ой лели,
 60 Вы сударушку мою>,
 Все сударушку мою
 Все Прасковьюшку,
     И ой лели, <и ой лели,
     Все Прасковьюшку>,
 65 Все Прасковьюшку
 Все Иванавну,⁶
     И ой лели, <и ой лели,
     Все Иванавну!>

^a В ркп. вместо части припева, выделенной угловыми скобками, — помета: «и т.д.» и уточнение. Кроме первых двух четверостиший, в остальных в припеве вместо «лѣли» — «лели», что, возможно, является чисто «технической» погрешностью: просто не проставлены точки над «е». То же относится и к слову «Все» в стихах 13, 14, 38, 41, 54 и т. д.

⁶ В ркп. первоначально «Ивановну», «о» исправлено на «а».

№ 22

«Величальная».

- У ворот сосна зеленая,
Зеленая, зеленая, зеленая.
У Сергея жена молодая,
Молодая, молодая, молодая
5 На свадьбу ево собирала,^a
Собирала,^a собирала,^a собирала.^a
Полотенца ему розкатала,^b
Роскатала,^b розкатала,^b розкатала,^b
Золотым гривняном завязала,
10 Завязала, завязала, завязала.
Завязавши, ему приказала,
Приказала, приказала, приказала:
«Тебе будут там величать,
Величать, величать, величать —
15 И мене, младу, вспоминать,
Вспоминать, вспоминать, вспоминать,
Ахимушкой называть,
Называть, называть, называть,
Иванавнай почитать,
20 Почитать, почитать, почитать».

---

^a В ркп. в приставке скорее «а», чем «о».

^b В ркп. в приставке скорее «о», чем «а».

№ 23

«Свадебная — играют на почестных».

- В нас по сеням, по сенюшкам,
По сеням, по решетчатым
Там гуляла-погуливала
Молодая боярыня
5 Все свет Соня Димитриевна.
Она будила-восбуживала
Своево дружка милова
Все Сережу свет Ивановича:
«Ты устань, устань, милый друг,
10 Пробудися, надежда моя!
Оторвался твой ворон конь
От столба от точенава,
От колечка серебрянава,
От литова позолоченава;
15 Перепрыгнул через тын в огород,
Поломал весь зеленый сад».

Сад зеленый а вышонья,
Черна ягода смородина,
А што груша зелена, зелена,
20 Свет вот Соня весела, весела.

№ 24

«Свадьбишная, поется на второй день в доме жениха, Когда обыгрывают гуся. (На почестных)» (л. 3).

Эй, вдоль по морю,
Вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему,
Вдоль по морю, морю синему
5 Плывет стадо,
Плывет стадо,
Плывет стадо лебединое,
Плывет стадо лебединое, —
Эй, лебединое,
10 Лебединое,
Лебединое, гусиное,
Лебединое, гусиное.
Плывет стадо,
Плывет стадо,
15 Плывет стадо — што не строхнется,
Плывет стадо — што не строхнется,
Не строхнется,
Не строхнется,
Не строхнется, не ворохнется,
20 Не строхнется, не ворохнется.
Под ним вода,
Под ним вода,
Под ним вода не всколыхнется,
Под ним вода не всколыхнется.
25 Ой, сине моря,
Синя моря,
Синя моря всколыхнулася,
Синя моря всколыхнулася.
Сера утка,
30 Сера утка,
Сера утка встрепехнулыся,
Сера утка встрепехнулыся.
Неоткуль взялси,
Неоткуль взялси,
35 Неоткуль взялси млад сизой орел,
Неоткуль взялси млад сизой орел.
Поймал-задрал,

Поймал-задрал,
 Поймал-задрал лебедушку белаю,
 40 Поймал-задрал лебедушку белаю
 Под самою,
 Под самою,
 Под самою праву крылышку,
 Под самою праву крылышку.
 45 Он кров пустил,
 Он кров пустил,
 Он кров пустил по синю морю,
 Он кров пустил по синю морю.
 А пёрушки,
 50 А пёрушки,
 А пёрушки — по дубравушки,
 А пёрушки — по дубравушки.
 Брала перья,
 Брала перья,
 55 Брала перья красна девушка,
 Брала перья красна девушка
 Свому дружку,
 Свому дружку,
 Свому дружку на подушечку,
 60 Свому дружку на подушечку,
 Сердешнаму,
 Сердешнаму,
 Сердешнаму на пуховаю,
 Сердешнаму на пуховаю.

№ 25

«Поется, когда молодые легли в клетки».

Орехова клетка
 Поставлена редко.
 5 Как во этой клетке
 Идет целованье
 Крепкой обниманье.
 Два два товариши
 Пошли спать в повалишиши
 10 Орехова клетка
 Поставлена редко
 <Как во этой клетке
 Идет целованье
 Крепкой обниманье>^a.
 15 Как ни стыдно
 Чужой девке
 С чужим парнем
 Спать ложиться

Спать ложиться
20 Спать ложиться
Спать ложиться.

---

^a Вместо стихов, взятых в угловые скобки, — указание на повтор:
«И т. д.»

№ 26

«Поют на свадьбе».⁷

А ты свет моя масляница,
Пропилася да промаслилася.
Ой, долина, долина, долина,
Ой, долина, долина, долина.
5 Я у середу не прядывала,
У четверх не завёртывала.
Ой, долина, долина, долина,^a
Ой, долина, долина, долина.
А у пятницу — так не прядуть,
10 У субботу — родители.
Ой, долина, долина, долина,
Ой, долина, долина, долина.
В воскресенье к обедни пошла,
Пехтерь пирогов понесла,
15 Ой, долина, долина, долина,
Ой, долина, долина, долина,
Еще курицу жариную,
Требуху перепариную.
Ой, долина, долина, долина,
20 Ой, долина, долина, долина.
Полюбил ее молоденький попок,
Подарил ей кашамировой платок.
Ой, долина, долина, долина,
Ой, долина, долина, долина.
25 «Мне платок носить хочитце,
А попа любить не хочитце.
Ой, долина, долина, долина,
Ой, долина, долина, долина.
Оттаво любить не хочитце:
30 По погосту волочитце,

---

⁷ Вариант этой песни помещен в книге М. Е. Шереметевой с пояснением, что это — «величание бобылкам (лодырям тоже)»: «проспала субботу («родительскую» субботу — особый день поминовения усопших, по православному календарю. — Л. П.), в воскресенье опомнилась родителей поминать» (Шереметева М. Е. Свадьба в Гамаюнщине... С. 89). «„Иные ревнуют на эту песню“, т. е. обижаются» (Там же. С. 90).

Ой, долина, долина, долина,
 Ой, долина, долина, долина,
 По погосту волочитце,
 Пирогами побирайтце,
 35 Ой, долина, долина, долина,
 Ой, долина, долина, долина.
 Пирогами побирайтце,
 А блинами обжирайтце!»
 Ой, долина, долина, долина,
 40 Ой, долина, долина, долина.

^a Здесь и далее припев зафиксирован не полностью: «Ой, долина и т. д.».

№ 27

Песня величальная холостому парню.

Да кто ж (й)у^a нас холостой, холостой,
 Да кто ж (й)у^a нас холостой, холостой,
 И вой лёли, холостой, холостой,
 И вой лёли, холостой, холостой?
 5 Да кто ж (й)у^a нас нежанат, нежанат,
 Да кто ж (й)у^a нас нежанат, нежанат,
 И вой лёли, нежанат, нежанат,
 И вой лёли, кудреват, кудреват?
 Николай-то холостой, холостой,
 10 Михайлович нежанат, нежанат,
 И вой люли, нежанат, нежанат,
 И вой люли, нежанат, нежанат.
 Вон беленький кудреват, кудреват,
 Вон беленький кудреват, кудреват,
 15 И вой лёли, нежанат, нежанат,
 И вой лёли, нежанат, нежанат.
 На ём шапка с собольем, с собольем,
 Макушеч<ка>^b с угульем, с угульем,
 И вой лёли, с угульем, с угульем,
 20 И вой лёли, с угульем, с угульем.
 Во шапочке платочек, платочек,
 Во шапочке платочек, платочек,
 И вой люли, платочик, платочик,
 И вой люли, платочик, платочик.
 25 Во платочки три узли, три узли,
 Во платочки три узли, три узли,
 И вой люли, три узли, три узли,
 И вой люли, три узли, три узли,
 Первый узел — виселёк, виселёк,

- 30 Первый узел — виселёк, виселёк,
И вой люли, виселёк, виселёк,
И вой люли, виселёк, виселёк.
Втарой вузел — маков свет, маков свет,
Втарой вузел — маков свет, маков свет,
35 И вой люли, маков свет, маков свет,
И вой люли, маков свет, маков свет.
Третий вузел — любовик, любовик,
Третий вузел — любовик, любовик,
И вой лёли, любовик, любовик,
40 И вой лёли, любовик, любовик.
Ево девўшки спрашивали, спрашивали,
Да молодушки пытали,
И вой лели, пытали, пытали,
И вой лели, пытали, пытали:
45 «На што табе маков свет, маков свет,
На што табе маков свет, маков свет,
И вой лёли, маков свет, маков свет,
И вой лёли, маков свет, маков свет?» —
«Штоб я, молодец, светел был, светел был,
50 Штоб я, молодец, светел был, светел был,
И вой лёли, светел был, светел был,
И вой лёли, светел был, светел был!» —
«На што ж табе веселёк, веселёк,
На што ж табе веселёк, веселёк,
55 И вой лёли, веселёк, веселёк,
И вой лёли, веселёк, веселёк?» —
«Штоб я, младец, весел был, весел был,
Штоб я, младец, весел был, весел был,
И вой лёли, весел был, весел был,
60 И вой лёли, весел был, весел был!» —
«На што ж табе любовик, любовик,
На што ж табе любовик, любовик,
И вой лёли, любовик, любовик,
И вой лёли, любовик, любовик ?» —
65 «Штоб девушки любили, любили,
Штоб девушки любили, любили,
И вой лёли, любили, любили,
И вой лёли, любили, любили,
Молодушки хвалили, хвалили,
70 Молодушки хвалили, хвалили,
И вой лёли, хвалили, хвалили,
И вой лёли, хвалили, хвалили,
Гулять с собой водили, водили,
Гулять с собой водили, водили,
75 И вой лёли, водили, водили,
И вой лёли, водили, водили,
Винцом-пивцом поили, поили,
Винцом-пивцом поили, поили,

И вой лёли, поили, поили,
80 И вой лёли, поили, поили!»

^a В ркп. «ю».

^b В ркп. «Макушечь» и далее оставлено место — вероятно, чтобы впоследствии восстановить усеченную при пении концовку слова.

ПЕСНИ-БАЛЛАДЫ

Хороводная

№ 28

Э, на вулице дождь и дождь
Сильной проливаеть,
Вой лёшунки да лёли,
Сильной праливаеть.
5 Э, брат свою сестрицу
По дождич(и)ку водить,
Вой лёшунки да лёли,
По дождич(и)ку водить.
Э, по дождичкю водить,
10 По голов(ы)ке гладить,
Вой лёшунки да лёли,
По голов(ы)ке гладить:
«Эй, ты расти, расти, сестрица,
Ты расти, моя родная,
15 Эй, вой лёшунки да лёли,
Ты расти мая родная!
Эй, вырасти ж большая —
Отдам я тебя замуж,
Эй, вой лёшунки да лёли,
20 Отдам я тебя замуж,
Э, а брат свою сестрицу,
Не близко ж и не далёко,
Э, вой лёшунки да лёли,
Не близко ж и не далёко.
25 Э, не близко не далеко —
Семь верст за Москвою,^a
Вой лёшунки да лёли,
Семь верст за Москвою,^a
Эй, семь верст за Москвою,^a
30 За крутою за горою,^a
Вой лёшунки да лёли,
За крутою за горою».
Эй брат с торгу поехал —
К сестре своей заехал,
35 Вой лёшунки да лёли,

К сестре своей заехал.
 Э, сестра брата увидала,
 На дороге догоняла,^а
 И вой лёшунки да лёли,
 40 На дороге догоняла.^а
 «Эй, здорова^а ль моя сестрица,
 Здорова ль моя родная,
 И вой лёшунки да лёли,
 Здорова ль моя родная?» —
 45 «Эй, родимая мой братец!
 Не совсем и я здорова,
 И вой лёшунки да лёли,
 Не совсем и я здорова.
 А не совсем и я здорова:
 50 Есть ў мене четыре горя,
 И вой лёшунки да лёли,
 Есть ў мене четыре горя.
 А первая ў мене горя —
 А свекор батюшка бурливый,
 55 И вой лёшунки да лёли,
 И свекор батюшка бурливый.
 И а еще у мене горя —
 Свекры моя кропотлива,^а
 И ой лёшунки да лёли,
 60 И свекры моя кропотлива.^а
 А третье у мене горя —
 Деверёчик мой насмежник,^б
 И ой лёшунки да лёли,
 Деверёчик мой насмежник.^б
 65 А у еще у мене горя —
 Золовка ў мене смутьянка,
 И вой лёшунки да лёли,
 Золовка ў мене смутьянка.
 И а еще ж у мене горя —
 70 Муж мене, младу, не любит,
 И вой лёшунки да лёли,
 Муж мене, младу, не любит». —
 «Э, поживи, моя сестрица,
 Поживи, моя родная,
 75 И вой лёшунки да лёли,
 Поживи, моя родная:
 Э, свекар журливай
 В сыру землю пойдить,
 И вой лёшунки да лёли,
 80 В сыру землю пойдить;
 Э, свекровья твоя кропочеть —
 Добра ж и себе хочеть,
 И вой лёшунки да лёли,
 Добра ж и себе хочеть;

85 И деверёчик твой насмешник
Сам жениться будет,
И вой лёшунки да лёли,
Сам жениться будет
Э, золовка твоя смутьянка
90 Сама в люди пойдить,
И вой лёшунки да лёли,
И сама в люди пойдить;
И муж тебе, младу, не любить —
Другую не вóзметь,
95 И вой лёшунки да лёли,
Другую не вóзметь».

---

^a В ркп. скорее «а», чем «о».

^b Искаженное от «насмешник».

Лирические № 29

«Поют за прялкой».

«Посиди, Дуня, потерпи ж и горя!» —
«Родный ба... батюшка, насиделася,
Насиделася да натерпелася,
Печаль-горюшка натерпелася!»
5 Из-под камушка, камня белова
Течёт речушка, речка быстрая,
Речка быстрая, вода чистая.
Как на той на речке девка мылася,
Девка мылася и белилася.
10 Молодой казак вел коня проить,
А журливый муж вел жену топить.
«Не топи меня днем — топи вечером:
Мои детушки все улягутся,
А соседушки успокоются!»
15 А старшая дочь не спала всю ночь.
А навутро дочь отца спрашивала:
«Родный батюшка, и где жа наша родна матушка?» —
«В новой горенке Богу молится». —
«Родный батюшка, ей там нетути!» —
20 «А на што вам родна матушка?
Привяду я вам мать новую,
Как построю вам горницу новую,
Как и сделаем печку кахельну». —
«Да сгорит твоя изба новая,
25 Провались твоя печка кахельна!»

№ 30

«Посиди, Дуня, потерпи горя!» —
«Родный батюшка, насиделася,
Печаль-горюшка натерпелася,
Да рódный батюшка, натерпелася!»
5 Из-под камушка, камня белава
Там тьякёт речка, речка быстрая,
Речка быстрая, вода чистая...⁸

№ 31

Ванька-ключник.

Эх, в саду ягыдка малина
По закрытию росла.
Эх, в саду ягыдка малина
По закрытию росла.
5 Эх, свет княгиня мыладая
С князем в тереме жила.
Эх, свет княгиня мыладая
С князем в тереме жила.
Как поехал князь на [о]хоту,^a
10 А княгиня — при дворце.
Как поехал князь на [о]хоту,^a
А княгиня — при дворце.
А княгиня к Ване льнула,
Как сорочкя на плече.
15 А княгиня к Ване льнула,
Как сорочкя на плече.
Эх, и селавала-милавала,
На постелю спать клала,
Эх, и селавала-милавала,
20 На постелю спать клала:
«Эх, ты ложись, ложись, Ванюша,
Спать на князеву кровать,
Эх, ты ложись, ложись, Ванюша,
Спать на князеву кровать!»
25 Эх, и нянька с Ванькяй разругалась —
Эх, и нянька князю донесла.
Эх, и нянька с Ванькяй разругалась —
Эх, и нянька князю донесла.
Эх, и князь дызнался-дыгадался
30 Ды Ванюшкинай беде,
Эх, и князь дызнался-дыгадался
Ды Ванюшкинай беде:
«Эх, и слуги, мои слуги,

⁸ «Дальше слова забыла», — примеч. С. Д. Магид.

Уж слуги верныи мои,
 35 Эх, и слуги, мои слуги,
 Уж слуги верныи мои!
 Вы подитя, приведитя
 Ванькю клюшничкя ко мне,
 Вы подитя, приведитя
 40 Ванькю клюшничкя ко мне!»
 Вот ведуть, ведуть Ванюшу —
 На нем кудри ветром вьють.
 Вот ведуть, ведуть Ванюшу —
 На нем кудри ветром вьють.
 45 Как поставили и Ванюшу
 Против князева лица,
 Как поставили и Ванюшу
 Против князева лица:
 «Ты скажи, скажи, Ванюша,
 50 Сколько лет с княгиней жил,
 Ты скажи, скажи, Ванюша,
 Сколько лет с княгиней жил?»
 Ищо знаить Ванькя клюшник
 Да перину пухаву.
 55 Ищо знаить Ванькя клюшник
 Да перину пухаву.
 Ищо знаить Ванькя клюшник
 Да княгиню мыладу.
 Ищо знаить Ванькя клюшник
 60 Да княгиню мыладу.

^a В ркп. в начале слова — «а» со знаком, указывающим на неслоговой звук: ъ.

ПЕСНИ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВОГО ЦИКЛА № 32

«Песня эта была связана в прежнее время с обрядом: крестины и похороны кукушки, пелась после кумления (на Вознесенье)».

Эй, горемычная, эй, куку...
 Ох, да куку... кукушечка
 День и ночь она куку...
 Да куку... и да кукуить.
 5 Эх, день и ночь она все куку...
 Эй, все куку... кукуить.
 Сабе парычку она не найде...
 Ой, сабе не найдеть,
 Эх, сабе парычку-то не най...
 10 Эй, да не най...ох(ы) не найдеть.

Хоть и найдеть —
 Да не надб...эй, да не надолго.
 Ох, найдеть —
 Да не надол...да не надол(ы)го
 15 Ах, либо на день,
 Ах, либо на два дня,
 Ах, да либо на день,
 Либо на день, либо на два дня,
 Ах, да немного —
 20 Ай, на неделю, ай, на неделюшку,
 Ай, да немного —
 На неде...ой, на неделюшку.
 Ай, да разнесчастна,
 Разнесчастная красна девушка,
 25 Ай, разнесчастна
 Красная де...красная девушка
 И зы ворота она выходи...
 Она выходи...ох, выходила
 Ай, зы ворота
 30 Она выходи...она выходила⁹
 Отца с матерью она брани...
 Она брани...она бранила,
 Эй, отца с матерью она брани...
 Она брани...ох, бранила:
 35 «Ды на што ж мене, мать, спыродила,
 Эх, спыроди...эх, спыродила?»

№ 33

«Эту песню поют в начале масляной недели на улице, когда начинается катанье с горы, когда толпа девиц стоит „кучкой“ на горе.»

Ой да Масляна на двор въезжайть,
 На двор въезжайть.
 Её^а девицы на горе встречаютъ,
 Её^а краснаи на горе стречаютъ,
 5 Её^а девушки побывать оставляютъ,
 Её^а краснаи побывать оставляютъ:
 «Ой жи, Масляница, погостой неделюку,
 Ой ды, широкая, погостой другую!» —
 «А вы, девушки, рада [б] побывала,
 10 А вы, краснаи, рада погыстевала!» —

⁹ «При вторичном исполнении здесь был добавлен следующий абзац:

Слезы горьки она рани...
 Ой, да рани...
 Ой, да ранила», — примеч. собирателя.

«Ой да, масляна, ково ты боишься ?
 Ой да, широкая, ково ты боишься?» —
 «Ой да вы, девуш(а)ки, Поста я боюся,
 Ай да вы, краснаи, Большова боюся!» —
 15 Ой да и, Масляна, Пост еще далёко,
 Ой да, широкая, Пост еще далёко!» —
 «Ой да и, девушки, где ж он далёко —
 В лесе на ёлке,^a на крутой на горке!»

^a В бел. ркп. вместо «ё» — «е».

ПЕСНИ ЛИРИЧЕСКИЕ

№ 34

Широко распространенная лирическая протяжная, могла входить в цикл свадебных.

Заходили ту... тучи темная,
 А другая не... непогожая,
 А другая не... непогожая
 Со дожами, со... со метелими,
 5 Со лётнами со... со морозами
 Со лётнами со... со морозами.
 Сбиралась дочь, дочь от матери,
 Сбиралась дочь, дочь от матери.
 Сбиралася до-й... до-й поехыла,
 10 Сбиралася до-й... до-й поехыла,
 Поехыла — не... не простились,
 Поехыла — не... не простились.
 Лошидён(ы)ка при... приуморилыся,
 Лошидён(ы)ка при... приуморилыся,
 15 Серёд лесу ста... становилыся,
 Серёд лесу с(ы)та... становилыся,
 Серёд лесу, се... серёд тем(ы)ныва,
 Серёд лесу, се... серёд тем(ы)ныва,
 Среди садоў, садоў зелёныва,
 20 Среди садоў, садоў зелёныва.
 Сольвьями ду... ой, думу думыла,
 Сольвьями ду... ой, думу думыла:
 «Соловей моя ты соловьюшка!
 Не с онной ли мы со сторонышки,
 25 Ня от одной ли родной матушки,
 Ня от одной ли родной матушки?
 Поклониси-ка мо... моей матушки,
 Поклониси-ка-си ро... родному батюшки!»

№ 35

Свели, свели ж в поле светочки,
Свели — да й спомеркли.
Любил парень красную девчонку,
Любил — да спокинул,
5 Любил — да спокинул...
И за што, за што девку спокидаишь?
Сама про то знаишь,
Сама про то знаишь...
В чистам поли, в широкам раздольи
10 Стоял куст калины,
Стоял куст калины...
Срублю-сломлю черёму-калину
Под самай корешочик,
Под самай корешочик...
15 И засажу я черёму-калину
В зеленой садочик,
В зеленой садочик...
«И расти, расти, черёма-калина,
Расти, принимайся,
20 Расти, принимайся...
Живи, живи, моя сударушка,
Ни об чом не печалься,
Ни об чом не печалься ж...
Ежель будеть печаль горя —
25 Пиши чаще письма,
Пиши чаще письма...» —
«Сама, девка, писать не умею,
Писарям не верю,
Писарям не верю ж...
30 Напишу письма со слезами,
Сошлю со дружьми,
Сошлю со дружьями...
А с какими ж я со дружьями —
С буйнами ветрами,
35 [С буйнами ветрами]...
Запрегу я коней пару,
Сама к нему прибываю».

№ 36

«Устяжная, поют, когда идут с работы, со жнивки, или после подборки дров».

Ах, да не по морю
Утеньшек плывётъ.
Эй, да не ко мне ли

С горя матушка идётъ,
5 Ах, да не ко мне ли
С горя ж рóдная идётъ,
Ах, не ко мне ли
С горя ж рóдная идётъ?
Эй, да ты поди-ка,
10 Эх, поди, рóдная, ко мне,
Эх, да поди,
Поди, рóдная, ко мне!
Эй, да посмотри-ка
На несчасную ж мене,
15 Эй, посмотри-ка
Э, на несчасную ж мене:
Эй, да как я боюсь —
Во чужих людях живу,
Эй, да как я боюсь —
20 Во чужих людях живу.
Эх, да не по плису,
Эй, да не по бархоту хожу,
Эх, да не по плису,
Эй, да не по бархоту хожу —
25 Эх, да через горя
Гарячй слезы раню
Эх, да через гóря
Эй, горячи слезы роню.
Эй, да как за нашим
30 За широким за двором,
Эй, да как за нашим
За широким за двором
Эй, да разливалась
Весной поляя ж вода,
35 Эй, да разливалась
Эй, весной поляя ж вода,
Эй, да затопляла
Все болота, все луга,
Эй, да заливала
40 Эй, все болота, все луга.
Эй, да оставался
Один маленький лужок,
Эй, да оставался, эх, один
Маленький лужок.
45 Эй, да собирались
Все девчата во кружок.

ПЕСНЯ ХОРОВОДНО-ИГРОВАЯ

№ 37

Там и шли-прошли
Все два молодца
В саду мята,
Рожь не жата,
5 Некошоная трава.
Один молодец
Нынче женитце.
В саду мята,^a
Рожь не жата,
10 Некошоная трава.
Другой молодец
Завтра женитце.
В саду мята,
Рожь не жата,
15 Некошоная трава.
Берет девицу,
Девицу-раскрасавицу.
В саду мята,
Рожь не жата,
20 Некошоная трава.
Эти девицы
Вместе сходятце.
В саду мята,
Рожь не жата,
25 Некошоная трава.
Вместе сходятце,
Домой просютце.
В саду мята,
Рожь не жата,
30 Некошоная трава.
«Отпустите нас
На единый час!»
В саду мята,
Рожь не жата,
35 Некошоная трава.
«Мы ня отпустим вас:
Расцелуйтя нас!
В саду мята,
Рожь не жата,
40 Некошоная трава.
Расцелуйтя нас
По семнацать раз!»

^a Здесь и далее припев полностью не зафиксирован, дано лишь указание на его повтор: «В саду и т. д.».

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 56 — бел. ркп. (ФА ФВ 3954.01).

Зап. 26 января 1935 г. в с. Корекозово Перемышльского р-на Московской обл. Исп.: Фролов Саша, 22 года; Фролова Таня, 23 лет; Вдовина Маня, 20 лет; Конова Дуня, 35 лет.

№ 2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 57, л. 1—2 (ФА ФВ 3954.02).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.

№ 3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 88 (ФА ФВ 3960.04).

Зап. зимой 1935 г. в д. Киреево Перемышльского р-на Московской обл. (колхоз «Новая деревня»). Исп.: Фомина Мария Ивановна, 37 лет (запевала); Кунакова Надежда Максимовна, 40 лет; Кунакова Мария Ивановна, 40 лет; Максимова Настасья Николаевна, 40 лет; Янкина Елена Ивановна, 50 лет; Андреева Мария Николаевна, 40 лет; Кунакова Федосья Ивановна, 35 лет; Фомина Наталья Терентьевна, 35 лет; Новикова Анна Уколовна, 42 лет.

№ 4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 87 (ФА ФВ 3960.03).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 3.

№ 5. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 16 (ФА ФВ 3965.01).

Зап. 31 января в д. Малая Слободка Калужского р-на Московской обл. (колхоз «За коллективизацию» им. 1 августа). Исп.: Головкина Татьяна, 49 лет.

№ 6. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 17 (ФА ФВ 3965.02).

Зап. 31 января в д. Малая Слободка Калужского р-на Московской обл. (колхоз «За коллективизацию» им. 1 августа). Исп.: хор из 13 чел., запевала Головкина Татьяна, 49 лет.

№ 7. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 38, л. 1—2.

Зап. 23 января 1935 г. в д. Большие Сушки Калужского р-на Московской обл. (колхоз «Герои Челюскинцы»). Исп.: Пахмичева Ириша, 19 лет; Пахмичева Мавра, 26 лет; Заикина Аксинья, 19 лет; Сосова Настя, 23 лет; Усачева Маруся, 17 лет.

№ 8. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 37 (ФА ФВ 3949.01).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.

№ 9. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 45 (ФА ФВ 3970.04).

Зап. 1 февраля 1935 г. в с. Куровское Калужского р-на Московской обл. (колхоз «1 августа»). Исп.: Миронова Катя, 34 лет; Матвеева Настя, 28 лет; Бодрова Дуся, 24 лет; Горбачева Поля, 40 лет; Степина Паня, 40 лет; Головешкина Нюша, 28 лет; Саламатина Настя, 26 лет.

№ 10. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 47 (ФА ФВ 3970.04).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 9.

№ 11. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 5, л. 1—2 (ФА ФВ 3963.01).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.

№ 12. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 19 (ФА ФВ 3965.03).

Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 5.

- № 13. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 18. (ФА ФВ 3965.04).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 5.
- № 14. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 18 (ФА ФВ 3965.05).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 15. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 9, л. 1—2 (ФА ФВ 3963.02).
Сведения о времени и месте записи см. примеч. к № 6.
- № 16. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 71 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.
- № 17. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 22 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 18. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 12 (ФА ФВ 3964.03).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 19. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 21 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 20. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 58 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.
- № 21. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 59, л. 1—3 (ФА ФВ 3954.04).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.
- № 22. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 40 (ФА ФВ 3949.04).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 23. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 6 (ФА ФВ 3941.03).
Зап. 20 января 1935 г. в с. Ромодановское Калужского р-на Московской обл. (колхоз «Красный Двор»). «Записано с голоса певицы крестьянки Архиповой Авдотьи Тимофеевны, 30 л<ет>».
- № 24. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 60, л. 1—3 (ФА ФВ 3954.05).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.
- № 25. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 15 (ФА ФВ 3964.06).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 26. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 41, л. 1—2 (ФА ФВ 3949.05).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 27. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 14, л. 1—3 (ФА ФВ 3964.05).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 28. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 2, № 30 (ФА ФВ 3967.03).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 9.

- № 29. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 29 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 6.
- № 30. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 28 (ФА ФВ 3947.02).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 31. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 27 (ФА ФВ 3947.01).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 32. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 53, л. 1—2 (ФА ФВ 3953.02).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 1.
- № 33. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 83 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 3.
- № 34. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 31, л. 1—2 (ФА ФВ 3945.01).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 35. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 24, л. 1—2 (ФА ФВ 3946.02).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.
- № 36. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 10 (ФА ФВ 3942.04).
Зап. 21 января 1935 г. в с. Ромодановское Калужского р-на Московской обл. (колхоз «Красный Двор»). Исп.: Балашева Катя, 23 лет; Архипова Дуня, 30 лет; Капралова Таня, 20 <лет>.
- № 37. РО ИРЛИ, р. V, кол. 49, п. 1, № 19 (Фонозапись отсутствует).
Сведения о времени и месте записи, а также об исполнителях см. примеч. к № 7.